Афонин
НА
ШТУРМ

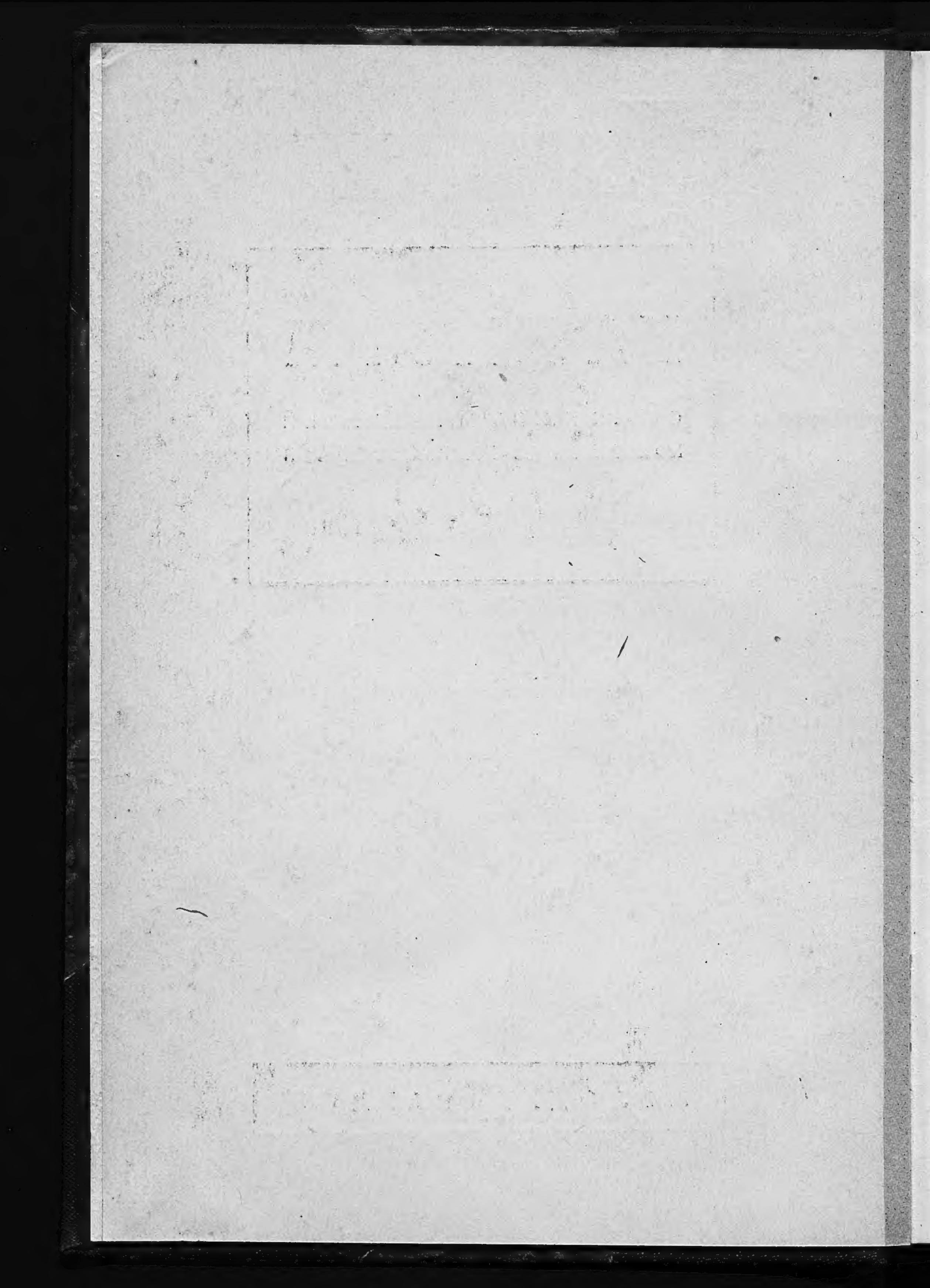

НА ШТУРМ

СБОРНИК ВОСПОМИНАНИЙ
КОМСОМОЛЬЦЕВ-КРАСНОГВАРДЕЙЦЕВ

★

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

МОСКОВСКИЙ ИСТМОЛ

НА ШТУРМ

Сборник воспоминаний
комсомольцев - красногвардейцев

Составил М. АФОНИН

Под редакцией Л. ГУРВИЧА

★

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
МОСКВА 1928 ЛЕНИНГРАД

Типография и офсет-печатня
издательства
„КРЕСТЬЯНСКАЯ ГАЗЕТА"
Москва, Сущевская, 21.
Главлит № А—11.840. Тир. 4.000.

Изд. № 2631

КРАСНАЯ ПРЕСНЯ

Ф. КИСЕЛЕВ

МОСКВА В ОГНЕ

Мы давно ждали дня, в который нам придется выйти на улицы с оружием в руках, чтобы свергнуть ненавистное Временное правительство капиталистов.

Свержение чувствовалось по митинговым речам, по лихорадочной подготовке, какую вела партия, и по общему настроению рабочих.

Для меня этот день начался так:

Тестов поселок. Дача «Студенец».

Общее собрание рабочих-булочников Пресненского района.

Равнодушными становятся лица собравшихся к обсуждаемым вопросам. Не из-за них сюда пришли. Ждут самого главного — доклада районного совета.

Докладчик, председатель совета т. Слесарев, почему-то еще не пришел. То там, то сям слышится сдержанный ропот.

— Скоро, что ли?

— Сейчас, товарищи, сейчас! Одну минуту! Докладчик опоздал, — мечется, как угорелый, председатель собрания.

Мне досталась незавидная доля барабанить по телефону в райком.

— Вы слушаете? Это райком, да?

— Кого вам надо? — несется оттуда.

— Почему же докладчик т. Слесарев не идет к нам на собрание? Он обещал притти ровно в...

— Слесарева нет... Ему некогда... Сейчас работа большая...

— Да, но ведь у нас собрание, ведь дожидаемся, — не унимался я.

— Сообщите собранию, что в Питере совет рабочих и солдатских депутатов взял власть в свои руки...

— Как? Неужели?! — от неожиданности подпрыгнул я.

Бросил трубку и понесся сообщить товарищам радостную весть.

— Товарищи! — кричал я. — Власть наша!!! В Питере власть наша!!!

Договорить мне не пришлось. Все повскакали со своих мест. Меня окружили, посыпались со всех сторон вопросы: — Как? Что? Когда?

Десятый раз рассказываю свой разговор по телефону. Но булочники не удовлетворены: слишком мало я узнал.

Откуда-то вылез эсерик, работавший на фабрике Прохорова.

— Товарищи! — надрывался он. — Не поддавайтесь провокации большевиков Ничего подобного не произошло, у меня имеются достоверные сведения. Большевики хотели...

— Да, большевики хотели, большевики и сделали,— осалил его максималист Зуев.

А зал собрания пустел и пустел: рабочие, не удовлетворившись моей информацией, уходили узнать поподробнее и — «готовиться».

Мы вышли последними.

Эсерик, окруженный булочниками, что-то исступленно кричал, размахивая руками.

Бегу в райком, по дороге обгоняю отряд Красной гвардии сахарного завода.

Идут по-солдатски в ногу, человек пятьдесят, и на всех... одна винтовка.

По Нижней Пресне, направляясь к райкому, маршируют прохоровцы; отряд тоже порядочный, но винтовок не видно.

Моя фантазия разыгралась. Я уже строил баррикады, рыл окопы, бегал по улицам разведчиком, посыпал мостовую битым стеклом, чтобы казацкие кони ноги себе попортили. Одним словом, делал то, о чем нам говорили на лекциях.

Подбегаю к воротам райкома.

— Стой! Пропуск...

— Пропуск? Какой пропуск? Для меня это новость.

До сих пор у ворот нашего райкома пропуска не спрашивали. Вход был свободен.

— Теперь без пропуска нельзя. Надо пропуск, — говорит часовой.

Я всматриваюсь в часового и узнаю. Наш. Блохин. С берданкой, в кургузом пиджачишке, подпоясанном отрепанной пулеметной лентой. На лице чувство ответственности. Ну прямо:

«Кем же ты, Микитка, стал?
Ахвицер иль енерал?»

— Не дури, Блохин, ты же знаешь меня, — пытаюсь я уговорить часового.

Он непоколебим.

— Знаю, а без пропуска не пущу.

На мое счастье на улицу вышел разводящий Сережа Яковлев. Пропустили.

В маленькой комнатушке секретариата райкома партии непрерывно трещит телефон. Там же заседание только что организованной боевой пятерки.

На дворе толпа пришедших рабочих. Два мальчугана подрались из-за старого тесака в ножнах. Один схватился за рукоятку, другой — за ножны. Тянут каждый к себе. Разлетелись в разные стороны. У одного в руках тесак, а у другого — ножны.

Иду в комнату, где, сгрудившись около стола, стоят в очереди рабочие, солдаты-ходынцы и молодежь.

Это — запись в Красную гвардию. Верней, не запись, а регистрация, потому что еще задолго до Октября все теперь стоящие в очереди считали себя красногвардейцами.

Нетерпеливой, горячей молодежи все кажется медленным.

— Скоро ли там? Чего ковыряетесь-то?!

— Успеете, подождите.

Но едва ли молодежь будет ждать. Откуда-то появились бумага и карандаш. Молодежь образовала свою очередь.

А в очереди разговоры:

— Да что вы меня записываете в санитары?! Не хочу я в санитары, я хочу в свой отряд...

— А оружие когда дадут — сейчас же?..

— Кто поумней, тот сам заранее запасся...

— У меня есть охотничья берданка, взять или не надо?

— Брось, не на зайцев идешь охотиться...

— Пробросаешься! Сейчас и это дорого. Бери, бери, хлопец!

Сегодня все «союзники» решили остаться на ночь в райкоме для охраны. Мы тогда надеялись, что в случае нападения на райком со стороны юнкеров мы

с успехом отобьемся. Но если бы кто посмотрел на наш «арсенал», то только бы посмеялся над нами.

Всего-навсего у нас было пять берданок да пяток патронов, пули которых приходилось обматывать бумагой, чтобы они не повыпадали преждевременно. Но мы не горюем, скоро и у нас будут настоящие винтовки. Анатолий Попов с Жаровым уехали за ними в Кремль к солдатам 56 стрелкового полка.

Помещение райкома в маленьком деревянном особнячке в Б. Предтеченском переулке превратилось в казармы.

Днем казармы были полны, а к вечеру никого: рассылали всех по местам.

Председатель совета т. Слесарев, сидя в маленькой комнатушке секретариата райкома, крупным почерком писал на четвертушках писчей бумаги приказ за приказом, примерно такого содержания:

ПРИКАЗ №...

Администрации . . . .

Президиум Пресненского Совета рабочих и солдатских депутатов и Военно-Революционный Комитет Пресненского района приказывают вам немедленно представить находящиеся в вашем ведении все помещения в распоряжение тов. . . . . являющегося представителем В.-Р. Комитета.

Подпись: **Председатель Пресненского совета рабочих и солдатских депутатов**

Члены В.-Р.К.

Прикладывали овальную печать районного совета и вручали этот приказ какому-либо товарищу, который с отрядом красногвардейцев занимал указанное помещение под перевязочные пункты, под столовые и склады.

Готовимся к ночи. Каждый старается вооружиться тем, что есть.

Некоторые «захватили» по берданке и по одному патрону. Мне досталось «холодное оружие» — какой-то допотопный тесак.

Счастливее всех из нас был Сережа Яковлев: он оказался владельцем блестящего Смит-Вессона с пятью патронами к нему.

Всю ночь не смыкаем глаз. Выставили часового у ворот и сами прислушиваемся.

Вдруг — телефонный звонок. Все бежим к телефону.

Кто-то сообщает, что на Большой Пресне громят продовольственную лавку.

Думаем, бежать или не стоит? Решили — троим пойти.

Прибегаем к указанному месту — никого и ничего. Возвращаемся обратно.

Настал день. Опять стали приходить отряды — без оружия.

В этот день нас посылали в центр за оружием. Бросаем свои тесаки и отправляемся в центр.

На Кудринской площади, окруженный юнкерами, стоит автомобиль, а на нем «Максимка». Рыло направлено к Садовой улице.

Мы невинными младенцами идем мимо юнкеров, «вооруженных до зубов».

Пошли по Садовой, свернули на Спиридоновку. Никитская площадь. Переулками, закоулками, прижимаясь к стенкам, во избежание встречи с шальной пулей, добираемся до центра.

В здании Московского Совета народу, что называется, «пушкой не прошибешь». Всюду, взад и вперед, вверх и вниз, носятся люди с приколотыми на груди разноцветными ордерочками: «Пропуск в комнату №...»

Лестницы, пол — все усеяно народом.

На дворе около грузовика с оружием толкучка.

— Что вы, на смех что ли мне подсунули такого чорта? — горячится маленький веснущатый рабочий, кидая обратно в грузовик огромный штуцер.

— Зачем бросаешь-то? — подзадаривают его: — «медведей» пойдем бить. Эта штука как-раз на медведя и есть.

Мы выбрали себе по берданке, патроны по карманам нагрузили и хотели уже удрать к себе на Пресню.

Но не тут-то было. Какой-то седой старикашка в офицерском мундире остановил нас на дворе и, не спрашивая о нашем согласии, записывает нас.

— Что? Куда? Куда вы нас хотите? — задавали мы вопросы.

— В засаду с пулеметом № 3.

Делать нечего, приходится подчиняться. Дисциплина прежде всего.

Итак, значит, я, Блохин, два парня с завода Тильманс и трое солдат-пулеметчиков засели в засаду на третий этаж дома на углу Тверской и теперешней Советской площади. С нами был один пулемет «Максимка».

Пулеметчики занялись установкой своего «Максима», осмотрели все окна, нашли окно, из которого был виден весь Чернышевский переулок. Вышибли стеклышко, подтянули к дыре пулемет и, закурив папиросы, только что принесенные из распределительного пункта, спокойно занялись набивкой патронами пулеметных лент.

Наша обязанность ограничивалась службой связи и дежурством около имеющегося в квартире телефона.

Скучно. Грустно. Не сидится на месте, потому что слышишь буханье орудий, треск винтовок и дробь пулеметов.

Блохина послали в штаб за патронами. Ждали обратно, но напрасно ждали.

У парня нехватило терпения сидеть в засаде — удрал.

Жду и я такого случая, но едва ли это удастся, потому что Степняк, старший в засаде, поклялся не выпускать никого из квартиры.

Ночь.

Пулеметчики сидят около окошка, покуривают, что-то рассказывают друг другу.

Прислушиваюсь.

Высокий, кряжистый, с медным цветом лица, с черной, как вороново крыло, бородой, тульский пулеметчик закурил новую папиросу и, перебивая рассказчика, говорит:

— Это что! А вот что я вчера видел на дворе штаба, так это действительно анекдот.

— Ну-ка, ну-ка, расскажи! — обратились к нему другие.

— Из Александровского военного училища захотели удрать из Москвы два офицера, — начал рассказчик. — Ну вот, садятся, значит, они в автомобиль-фургон Красного Креста и говорят шоферу: «Вези нас на вокзал». Шофер, конечно, повез, да только не на вокзал, а прямо во двор штаба. Приехал во двор, соскакивает из-за руля, открыл дверцу и говорит офицерам: «Пожалте, ваше благородие! Приехали». — Ну, офицеры вылезли, оглянулись кругом, да так и остолбенели. «Куда ты нас привез?» — кричат они на шофера. «Туда, куда нужно», — отвечает шофер. А тут уж ребята наши к ним подбежали. «Пожалте, ваше благородие бриться».

— Ну и что же офицеры?

— Да ничего, леворвертики с них, конечно, долой, «шагом арш» — и в кутузку.

— Зря сажают, — сказал пулеметчик в лихо сдвинутой на затылок шапке. — Зря сажают... расстреливать надо таких гадюк. У них для нас нет другого слова, кроме «в зубы», «расстрелять». Сволочи...

— Расстреливать надо с разбором... У нас есть и хорошие офицеры.

— Есть! На тысячу один, и то едва ли.

Я сижу около телефона и смотрю, чтоб никто из проживающих в этой квартире не подходил к нему. Обязанность ерундовая, но я горд полученным заданием.

Неожиданно телефон задребезжал. Старичок-поляк, проживающий в этой квартире, метнулся было к аппарату, но я, схватив телефонную трубку, крикнул:

— Нельзя, нельзя!

Старичок готов был вступить со мной в пререкания, но обернувшийся на звонок Степняк набросился на старичка.

— Замолчи, бисова скотына! Тибе бают нельзя, — значит нельзя.

Напрасно старичок доказывал Степняку, что это родственники справляются о его здоровье. Степняк был непреклонен и на все приставания отрывисто бросал:

— А як ты, подлюка, юнкер али кадет?

Старичок отстал от Степняка и, бормоча что-то, не раздеваясь, укладывается спать, а Степняк, закуривая, потрепал меня по плечу и, улыбаясь, сказал:

— Молодец, хлопец! Подрастешь, приезжай к нам на хутор невесту сватать. Я тебе як «белый налив» невесту подберу.

Степняк ушел, а я остался у телефона.

Смотрю на этажерку с толстыми книгами, на нервно вздрагивающего под одеялом старика, и думаю.

Думаю о том, как меня хватятся в пекарне, где я работал. Думаю о своих ребятах. Где-то теперь Сережа Яковлев, Петька Воробьев? Сумел ли пробраться Блохин к себе на Пресню? Что случилось с Дугачевым, с Анатолием Поповым? Ведь они уехали в Кремль за оружием.

Дремлю. Веки глаз словно свинцом наливаются. Одолела зевота. Лечь бы сейчас, как этот старичок, укрыться пиджаком вместо одеяла, и... не стал бы я так вздрагивать при каждом выстреле, как старик...

...Горит какое-то большое здание. Огонь, как живой, перекидывается, хватает не обуглившиеся еще стены. Много народу на этом пожаре. Все кричат, галдят, кричу и я, кричу громко, но почему-то не слышу своего голоса, слышу только рев толпы. А здание пылает, трещит. Огромнейшее зарево повисло над пожаром, и чем больше становится зарево, тем громче рев толпы...

Я просыпаюсь от толчка в бок. Открываю глаза: по комнате, шепча молитвы, ходит закутанный старичок. Передо мной стоит совершенно неизвестный мне красногвардеец.

— В чем дело?

— Иди спать, смена пришла.

На улице слышны крики, дробь пулеметов, винтовочные выстрелы. Спрашиваю:

— Что за столпотворение на улице?

— Броневик белогвардейский прорвался на площадь, ну и вкалывает по артиллеристам у орудий.

Обежал я по всем комнатам — ребят нет, пулеметчики уходят.

— А где же наши ребята? — спрашиваю.

— Эва, хватился, — ответил красногвардеец. — Проспал своих ребят. Уже ушли.

Выскакиваю на улицу. Броневик уже укатил. Разбежавшаяся от орудий прислуга вновь собирается и наводит трехдюймовку на гостиницу «Континенталь», на крыше которой видны черные фигурки, устанавливающие пулемет.

Навели. Вложили снаряд.

Предупреждающий окрик близко стоявшим:

— Рот раскройте, а то барабанная перепонка лопнет!

Грохнул выстрел, и по Тверской изо всех окон от сотрясения воздуха брызгами полетели стекла.

Столб дыма на крыше. Видно, как падает дымовая труба, как на крыше, словно муравьи, мечутся люди.

— Мало, еще надо один...

— Дуй еще!

Второй снаряд попадает в гущу копошившихся на крыше.

С криком «ура» лавиной бросились к «Континенталю» красногвардейцы-солдаты.

Выстрелы винтовочные, пулеметные слышались с разных сторон.

В этой «музыке» затерялись одиночные выстрелы из окна одного дома на Б. Дмитровке.

Сейчас этот флигель на углу Столешникова и Дмитровки загорожен вновь выстроенным домом, но тогда окна верхнего этажа были хорошо видны с площади перед Советом.

И из одного окна этого дома раздавались с короткими промежутками выстрелы из винтовки.

Тюк... тюк... тюк...

Выстрелы не пропадали даром. То один, то другой красногвардеец падал на площади раненый или уби-

тый. Сперва мы думали, что это «шальные пули», но потом один солдат, хлопнув себя по лбу и сочно выругавшись, крикнул:

— Будь я сукин сын, если в нас не стреляют вон из того окна.

И действительно: из раскрытой форточки торчал ствол винтовки.

Часть бывших на площади бросилась под прикрытие памятника Скобелеву, часть спряталась за щитками орудий. Только артиллеристы бесстрашно ворочались с трехдюймовкой, повертывая ее жерлом вдоль Столешникова. Повернули, вложили снаряд и «тюкнули» по-своему.

Над окном зияла дыра с решето. К дому бросились красногвардейцы.

Через пять минут они вели оттуда неизвестного в одной черной рубашке, с длинными, словно у дьячка, волосами.

— Бежать хотел, бродяга, на чердаке поймали, — рассказывали красногвардейцы.

Когда я пришел на двор Московского Совета, там грузились два грузовика, на одном из них наши ребята.

— Скорей иди!! Едем домой, на Пресню.

Вскарабкался на грузовик, и через минуту мы мчались по Тверской.

На грузовиках красногвардейцы — винтовку на изготовку, глазами «стреляют» по окнам и крышам домов. Надо зорко смотреть — не высунется ли из какого-либо окна рука застрявшего здесь белогвардейца с револьвером или бомбой. Не наводят ли с какой-либо крыши на грузовик пулемет.

Такие случаи бывали не раз. Вольется отряд красногвардейцев на улицу, с виду тихую, наполненную

только любопытными, и вдруг из окошка или с крыши «Максимка» — тук, тук, тук...

На Страстной площади расположилась наша батарея из трех орудий, жерла смотрят вдоль бульвара на Никитскую площадь. На каждом перекрестке с винтовками наготове стоят звенья красногвардейцев — ощупывают глазами наш грузовик.

Но что более всего удивляет — это множество любопытных на улицах и тишина.

— Почему выстрелов не слышно?

— Не кончилось ли?

— Нет, — отвечал шофер, — не кончилось, сейчас ведь перемирие.

Вот оно что! Затишье перед грозой, так сказать.

По Садово-Кудринской мчимся до Кудринской площади, затем сворачиваем на Кудринскую улицу и на Пресню. Шофер везет по старому адресу на Б. Предтеченский пер., но проезжая здание пресненской пожарной части мы видим, как на дворе части ходят наши с какими-то узлами. Прошли Таня Рыбакова и Аня Литвейко, затем выскочили на двор Сергей Яковлев, Петька Воробьев, Богачева, Шеногин.

— Стой! Стой! — кричим шоферу. — Стой! Здесь наши.

Соскочили, бросились к своим. Расспрашиваем о товарищах.

— Меркулов ранен.

— Варнашка (ученик сапожника, прибежавший к нам от хозяина из Теплого переулка) убит с цинковой коробкой берданочных патронов в руках. Не успел дотащить даже...

— Вы не голодны? — спрашивает нас Катя Литвейко, а сама, улыбаясь, еле держит несколько банок овощных консервов.

— Нет, — смеемся, — мы посчастливее вас немножко. В центре перловой кашей накормили.

В комнатах, где помещался комиссариат милиции, толкучка.

В углу ворох оружия. Тут и штыки разных систем, ножи, пилы, короткие и длинные шпаги, охотничьи и военные берданки, старые отрепанные пулеметные ленты, подсумки, патронташи.

Ворох все растет и растет. Подходят красногвардейцы, складывают это допотопное оружие и идут получать новенькие карабинки, кавалерийские и пехотные винтовки, отобранные у прибывающих на вокзалы на помощь белогвардейцам ударников.

В комнатах штаба — кучки отдыхающих бойцов; группками сидят они на полу и, закусывая консервами и где-то взятым медом с хлебом, рассуждают о боях, о перемирии. Осторожно пробираясь среди них, боясь наступить спящим на ноги, проходит в комнату штаба член Военно-Революционного Комитета т. Меркулов. К нему навстречу с банкой овощных консервов в руках бежит красногвардеец-булочник из пекарни б. Филиппова на Кудринской площади, восемнадцатилетний Рожнов.

— Ну что, товарищ Меркулов, замирились? — спрашивает он.

— Да, об'явлено перемирие, — отвечает Меркулов.

— Зря, вот ей-богу зря, — убеждает Рожнов Меркулова. — Соберутся они с силами да накрутят нам холку. Тогда пожалеем, что замирились.

— Центр об'явил, — буркнул Меркулов, видимо и сам недовольный об'явленным перемирием.

— Центр, центр... Ничего центр тут не видит...

— Мы вот сотнями разоружаем ударников на вокзалах, а они все прут и прут. Куда их девать?

Выпускаем на все четыре стороны, а они — к своим да опять за винтовку, — загалдели кругом.

— Ну, а что же по-вашему? Сорвать перемирие? Испортить всю музыку? Нет, ребята, дисциплинка нужна. Нельзя срывать перемирие. Может быть, договорятся как-нибудь, — и без крови обойдемся.

— Договорился волк с овцой: «ты, — говорит волк,— не кричи, овечка, когда я тебя драть буду».

— Мы-то не сорвем перемирие, а от белых того и ожидай.

Спать хочется. Попал в тепло и сразу почувствовал усталость. Ноги гудят, в голове какой-то звон, во рту от частого курения горько. Выбираю в углу местечко, не так густо заплеванное, и с наслаждением, скрючившись «в три погибели», ложусь.

Ноги как-то приятно покалывает, шум становится все тише и тише, засыпаю. «Усталость уходит», — мелькнула мысль.

...Шум. Крики. Топанье. Кто-то наступил на ноги, кто-то отдавил пальцы. Кто-то стремится вытащить из-под меня мою винтовку.

Вскакиваю на ноги, смотрю удивленными, ничего не понимающими глазами на поднявшуюся суматоху. Передо мной стоит неизвестный мне человек.

— Отдавай винтовку, ты у меня ее украл, — говорит он и протягивает руки к моей «драгунке».

— Не дам. Отстань! Что случилось?

— Отдай, а то в морду... Белые наступают...

Красногвардеец хватается за мою винтовку, старается ее вырвать. Я не отдаю. Красногвардеец сунул кулаком в морду. Я даю сдачи. Драка. Проститься бы пришлось мне со своей «драгункой», если бы не прибежали Жаров и один из Штернов.

— Что за драка?!. На Новинском бульваре «дерутся», а не здесь.

Мой «противник» отстает, и я с ребятами выскакиваю из помещения.

Тов. Жаров уже на дворе и с винтовкой в руке отсчитывает выбегающих из штаба. Насчитал пятнадцать человек, скомандовал:

— На Горбатый мост, за мной.

С винтовками наперевес бежим к Прудовой. Жаров на ходу передает боевое задание:

— Отстоять Горбатый мост. Если это не удастся, тогда задерживать наступление белых по Прудовой на Пресню.

Остановились мы на углу Прудовой. Дальше бежать нельзя. Горбатый мост обильно поливается белыми из пулеметов.

Со стороны Девятинского переулка видны перебегающие группы юнкеров, белогвардейцев. По нас застрекотал «Максимка». Безрезультатно. Мы хорошо забаррикадировались за выступами домов, за водонапорной башенкой, в развалинах одного дома.

Стреляем редко. Только по надежной цели.

Подходят подкрепления. Сообщают:

— Сенная площадь взята белыми.

— Нас выбили из Тишинского переулка.

Со стороны Девятинского и Дровяного переулков наступают белые. Пулеметный огонь со стороны белых усиливается. У нас как на грех нет пулемета.

«Если бы пулемет! Не отдали бы мы Горбатый мост».

С Кудринской улицы прибегает «связист» с приказом:

— Часть бойцов на Кудринскую улицу! Белые по Конюшковской ведут наступление на Кудринскую — к штабу.

Наш отряд с Жаровым во главе мчится на Кудринскую. Там важнее.

Прибываем в самый разгар боя.

Белые перешли в атаку. Неудачно.

Тяжелый кулак стянувшихся со всех пунктов рабочих отрядов, солдат — заставил белых повернуть обратно.

На рассвете мы перешли в наступление — победоносное наступление.

В. ЛЮБИМОВ

ВОСПОМИНАНИЯ КРАСНОАРМЕЙЦА

Мое первое знакомство с союзом молодежи произошло благодаря т. Устинову: через него я ознакомился с программой и уставом. Вслед за этим я вступил в члены союза. Работал я в то время на заводе Тильманса.

Период от мая до октября шел для нас быстро. Да и не могло быть иначе, когда по союзной линии шла бурная работа. Собрания, агитация на заводе, вовлечение новых членов союза, выборы в районные думы, подготовка и демонстрация 15 октября и пр., — все это заставляло забывать о долготе суток: их все равно нехватало. Еще быстрее шли дни, когда под руководством Ивана Слесарева (Кульман) по заводам началась организация Красной гвардии. Отряды почти целиком заполнились молодежью.

Уже на первых сборах заводские ребята хвастались друг перед другом добытым оружием, которое тут же в часы сбора отдавалось на всеобщее пользование для обучения неискушенных в управлении этим новым «станком».

25 октября я, как и всегда, пришел на завод отрабатывать свой рабочий день. Не успел и станка пустить в ход, как получаю извещение явиться в наш комитет, находившийся в Предтеченском пер., № 4. Явившись в комитет, я тотчас получил работу: держать связь с Московским Советом. Весь день пришлось быть

в Совете и нести службу связи как с нашим Пресненским районом, так и с Кремлем, который пока был в наших руках. Пробыв два дня на связи, я предпочел, оставив за себя другого, уйти обратно на Пресню, в свой отряд. Там были свои знакомые по союзу и заводу ребята, а также рабочие, и с ними было весело и не страшно. 26 октября, организовав отряд из десяти человек, мы двинулись на Поварскую. Боевым заданием было: выбить белогвардейские заставы, которые, засев в некоторых домах, мешали продвижению наших сил. Только мы вступили на улицу, как моментально были обстреляны юнкерами со всех сторон. Пули со свистом летели мимо нас, но угадать, откуда стреляют, сразу было нельзя. Спрятавшись за выступы домов, мы соображали, с чего начинать. Решили обыскать каждый дом. Наша неопытность сопровождалась неудачами: как только мы появлялись у дома, белые исчезали через задние ходы и неизвестные нам проходы. Наконец, в утешение всем, захватываем одного и, обезоружив, отправляем в штаб. «Добыча» небольшая, но она все же подняла настроение и придала нам решительности. Переходя из дома в дом, мы продвинулись чуть не до Ржевского переулка, очистив эту часть улицы от засад. Но не тут-то было! Пока мы, спугнув белых из пройденных нами домов, двигались дальше, они переулками возвратились к старым местам, и когда мы заметили это, то уже были в кольце юнкерских винтовок, что сразу обнаружилось при новом, гораздо более ощутительном, обстреле, который заставил нас выйти из засады.

Под градом пуль отступаем к своим, к Кудринской площади. Среди грохота выстрелов и звона стекла слышу крик: «Обожди, ранен».

Это наш. Подбираем его и двигаемся дальше. Наконец-то у своих! Выстрелы реже; дальше юнкера не

продвигаются. Сестры-«союзницы» уводят раненого, а мы вместе со всеми готовимся к ночи...

. . . .

Мы на передовой линии. Спокойно. Ребята постукивают прикладами ружей о тротуары, дружески перебраниваются. С напряжением разглядываем тьму. Тихо. Изредка одинокий выстрел нарушит тишину, как бы отзываясь на огонек неосторожного курильщика: глаза юнкеров следили за нами также. Повторение неосторожности с огнем вывело из строя одного парня; по счастью, он был только ранен.

Ночь прошла без столкновений. Но утром снова взялись за затворы. Патронов мало — приходилось беречь и «тратить» в тех случаях, когда наиболее смелые из ударников подходили близко к нашему расположению. Перестрелка скоро смолкла. На смену нам пришел новый отряд, и мы отправились в штаб (находился он в помещении фабзавкома «Трехгорки»).

На помощь Симоновке

В тот же день я с тремя товарищами по заводу записался в отряд на подкрепление Симоновке. Отряд в 25 человек на грузовике двинулся в путь. Прибыли ночью. Симоновцы встретили радушно. Мы расположились в одной из чайных и принялись «подкрепляться» чаем. Получив распоряжение, отправились к пороховым погребам, готовые отбить наступление белых. Но тревога оказалась напрасной — все прошло благополучно: за всю ночь белые и не пытались даже подойти к погребам.

Утром мы вчетвером пешим порядком отправились к Моссовету. Пришли в самый подходящий момент — у Моссовета снаряжался автомобиль на Пресню.

Расспросив ребят, мы узнали, что белогвардейцы подошли к самой Пресне. Сейчас же присоединились,

Грузовик полетел выручать Пресню. Дорогой в Расторгуевском переулке неожиданно наткнулись на отряд белой милиции. Шофер был убит. Машину пришлось бросить. Пешком добрались до штаба. В штабе срочно организовали отряд в 40 человек. Под командой Слесарева-Кульмана и моей (так как я знал, как пройти задними дворами к Кудринской площади) отряд двинулся в наступление. Зайдя в тыл юнкерам со стороны Кудринской улицы, захватываем всю улицу, пожарную часть и Вдовий дом. Вслед за этим очищаем от белых Кудринскую площадь, занимаем Малую и Большую Никитские и Поварскую. Со стороны Новинского бульвара ведем наступление на Смоленскую площадь. Бой горячий и решительный.

Белые пускают в ход броневики — опять приходится отступать к Кудринской площади.

. . . .

Кое-где заговорили о перемирии. Разгоряченные ребята и слушать не хотят о долетевшей вести. «Разбить белых. Занять Александровское военное училище» — был боевой лозунг.

Посредничество в заключении перемирия между Красной и белой гвардией взял на себя Викжель (Всероссийский железнодорожный комитет), состоявший из меньшевиков.

В конце-концов долгие разговоры о перемирии нашли свое выражение в издании Военно-Революционным Комитетом приказа. Вот он: «Всероссийский железнодорожный комитет предложил Военно - Революционному Комитету посредничество в переговорах с противной стороной. Согласившись на ведение переговоров, Военно-Революционный Комитет об'являет перемирие до 12 час. ночи 30 октября с. г. В течение этого времени будут вестись переговоры. Военно-Революционный Комитет

приказывает всем своим войскам немедленно прекратить всякие активные действия и стрельбу».

Формальная цель перемирия на 24 часа заключалась в выработке условий соглашения сторон о прекращении борьбы. Текст предварительного соглашения, выработанного совместно, был таков:

«1. С момента об'явления перемирия все боевые действия прекращаются, и стороны остаются на своих местах.

2. Вводные части (как солдатские, так и офицерские) распускаются.

3. Обе стороны издают постановления о сдаче захваченного оружия для организации дружины в период боевых действий.

4. Для контроля над выполнением этих обязательств учреждается комиссия, состоящая из представителей обеих сторон на паритетных началах и Викжеля.

5. Эта комиссия принимает все меры для водворения революционного порядка и борьбы с контрреволюцией.

6. По заключении соглашения войска обеих сторон под контролем этой комиссии разводятся по своим частям и поступают в распоряжение Рябцова, действующего с ведома и согласия советов рабочих и солдатских депутатов».

Весь день 29 октября мы напряженно следили за действиями белых и занимались упорядочением своего тыла. Мы чувствовали, что борьба еще не закончена и впереди предстоят бои. Наши подозрения оправдались. Утром 30 октября белые, не дождавшись окончания срока перемирия, возобновили военные действия. Теснимые в центре, они решили захватить Александровский и Брянский вокзалы и всей силой обрушиться на пресненскую Красную гвардию. Целый день шла непрерывная

перестрелка. Потери были большие, но выбывших сменяли подходившие на помощь новые.

Наш красногвардейский отряд, почти весь состоявший из союзников, отступая с Кудринской площади, засел за каменным забором Вдовьего дома. Белые наседали на нас, осыпая сильным ружейным и пулеметным огнем, но за каменной оградой мы оставались неуязвимыми. Попытка белых пойти на нас в атаку была встречена с нашей стороны таким сильным огнем (к нам на помощь присоединилось много солдат и рабочих с других пунктов), что белые, потеряв несколько раненых, повернули обратно.

До рассвета мы остаемся в своей «крепости». Стало тише, но от этого только тревожней. Одна мысль сверлит мозг — «выдержать до утра». Красногвардейцы от холода стучат зубами, но с своих мест не уходят. Разговор еле слышен. Все с вниманием вглядываются в темноту.

С рассветом наступаем. На помощь пришли рабочие Тильманского завода. Передовики уже с боем берут особняки на Поварской, обезоруживая и забирая белогвардейскую шваль. В вихре ружейных и пулеметных пуль мы зарываемся слишком далеко. Нам кричат: «Обратно!» Мы уже и сами видим опасность. На баррикады, воздвигнутые по бокам большого дома Новинского проезда, наступают белые при поддержке двух броневиков. Один за другим падают защитники баррикад (т.т. Герлат, Петров и др.). Броневик проходит на Кудринскую площадь. Мы не выдерживаем и, как по команде, бросаемся к нему. Кто-то из солдат бросает бомбу. Броневик поворачивает обратно. Только что прибывшее орудие бьет по отступающему врагу. Громкое «ура» оглашает площадь. Этот момент дает нам перевес, и мы наступаем вслед за противником по Новинскому бульвару.

Успешно «выкорчевывая» из домов юнкеров, казаков, гимназистов продвигаемся к Смоленскому. Наш отряд опять впереди всех. Последнее дыхание белых — стрекотанье пулеметов, расположенных на домах у Арбата. Пули их одна за другой взрыхляют землю бульвара. В ответ трещат затворы красногвардейских винтовок...

Но вот что-то теплое потекло по телу. Мой последний выстрел, — и я не могу держать винтовки. Все смешивается в глазах в одно общее... пробую кричать, но за грохотом выстрелов меня не слышат. Поднимаюсь... опять падаю... Ко мне подбегают наши красные сестры из союза Рыбаков и Богачев и, уже потерявшего сознание, доставляют в госпиталь.

На другой день, придя в сознание, вижу подле себя знакомые лица отрядников (Воробьев, Блохин и др.). Спрашиваю:

— Сдались юнкера?

— Да. Власть принадлежит нам.

Ф. КИСЕЛЕВ

ПЕРВАЯ ЛАСТОЧКА

Дня за четыре до демонстрации 15 октября 1917 г. Миша Дугачев, наш пресненский «коновод», собрал нас, членов союза рабочей молодежи, в маленьком особняке в Б. Предтеченском переулке, в котором помещались райкомы партии и союза.

Об'яснив нам, что такое Международный юношеский день, Миша сообщил, что Бюро Интернационала молодежи, находящееся за границей, обратилось к русской рабочей молодежи с призывом участвовать в проведении Международного юношеского дня.

Дугачев ждал прений, споров по этому вопросу, но напрасно: споров не было, было единодушное желание, чтобы назначенное на 15 октября подходило скорей.

К выступлению лихорадочно готовились. Девчата были мобилизованы на шитье знамен, ребята, обладавшие хоть сколько-нибудь «малярным» искусством, с вечера до утра горбатились над разостланными по полу красными полотнами, выводя разведенным мелом лозунги.

Вот и долгожданный день. За повседневной работой, за приготовлениями он как-то незаметно приблизился.

Утром было сумрачно на улице, накрапывал дождик, но не сумрачна молодежь, радостно собирающаяся в райкоме.

Подходят все новые и новые партии. Маленькое зальце райкома набито до отказа. Толпятся на дворе, на улице у райкома.

Выносим знамена на улицу и за ними строимся в шеренги.

— Пора, ребята, пора!

— Трогайся на сборный пункт, на Кудринскую площадь!

Бодро чеканим шаг. Революционные песни переливаются из конца в конец и слышны со стороны, как хаос мотивов, звуков и выкриков.

На Кудринской площади мы оказались не первыми, нас уже поджидала группа ребят под бедно сделанным знаменем с лозунгом «Долой десять министров-капиталистов!»

Полчаса шумим, смеемся. Пугаем трусливых:

— Встретят нас свинцовыми конфетами, как июльскую демонстрацию в Питере.

— Не запугают, не из робких...

— Трогайся! — раздается команда.

Грянули «Кузнецы», отзывается «Интернационал». На Красную площадь...

* * *

Зацвела, запестрела Красная площадь. Бросай взгляды в любую сторону — всюду глаз наткнется на красное.

Лес знамен. Море голов в платочках, косынках и кепках.

Мы подходим к началу Никольской, становимся.

Мимо нас проходит Замоскворецкий район; там союз называется «Третий Интернационал».

Откуда-то появился и сейчас же заходил по рукам экземпляр журнала «Интернационал Молодежи».

Каждому хотелось его хоть подержать в руках, хоть прочесть заголовок, потому что это была первая ласточка московской юношеской прессы.

Молодежь попрежнему весела. Некоторые «захватчики» уткнулись в журнал.

Вдруг послышались... выстрелы.

Не разобравшись в чем дело, некоторые дрогнули, бросились бежать по Никольской. Дедушка Маркс, любовно пришитый к одному из знамен, шлепнулся в грязь. Вскоре успокоились, когда увидали фуксующий грузовик, наполненный цинделевскими красногвардейцами.

— Чего же испугались-то? — упрекали они. — Ведь мы же охранять вас приехали.

— Испугаешься, мы ведь без оружия, — оправдывались ребята.

— Становись! — раздаются команды.

Выстраиваемся и двигаемся через Иверские ворота на Скобелевскую (теперь Советская) площадь.

* * *

Окруженная тесным кольцом бронзовая фигура генерала грозно замахнулась саблей на Московский Совет.

Подошли мы, — и еще теснее сомкнулся круг.

На балконах гостиницы «Дрезден» и Московского Совета появились люди. Из наших рядов выскочили ораторы. Полились зажигательные речи...

— Товарищи! Сегодня мы празднуем Международный юношеский день. В этот день мы вышли на улицу, чтобы протестовать против братоубийственной войны...

— Мы заявляем вам сейчас, «временные хозяева страны», мы на войну убивать своих братьев-рабочих не пойдем, но на баррикады... первыми будем в рядах борцов за власть советов, — говорит молодой парнишка Афанасьев, рабочий трамвайного парка.

— Долой братоубийственную войну! Вся власть советам! — кончает Афанасьев.

После молодежи на пьедестале появилась фигура представителя от МК РСДРП(б) т. Лихачева.

Он говорил:

— В одной из наших песен говорится: «За вами идет свежих ратников строй». Ваши старшие товарищи, большевики, верят в эти слова. Да и как не поверить, когда сегодня рабочая молодежь Москвы выступает под тем же знаменем, под которым борются большевики.

За т. Лихачевым говорит Аросев.

Очень тепло приветствовал от имени Московского Совета т. Смидович.

Зажженная речами ораторов, молодежь кричит:

— Послать приветствие Ленину и Зиновьеву!

— Всем, всем, кто в тюрьмах!

— Балтфлоту приветствие!

Посылаются приветствия, зачитывается резолюция:

«Мы требуем от Всероссийского С'езда Советов РК и СД немедленно взять власть в свои руки, предпринять шаги к перемирию на всех фронтах, заключению всеобщего демократического мира».

На другой день в эсеровской газете «Дело Народа» петитом было тиснуто:

«Вчера маленькая кучка большевиков устроила демонстрацию к зданию Московского Совета».

— Хороша маленькая кучка! Более десяти тысяч человек. А что нас назвали большевиками, покорнейше благодарим, постараемся доказать, что вы не ошиблись, — говорила молодежь в клубе.

Так прошла наша первая демонстрация, так начались новые кипучие дни подготовки к перевороту.

А. ЛИТВЕЙКО

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

(Воспоминание об Октябре)

Утро. Тороплюсь на фабрику. Поражает перемена улиц; нет обычного движения трамваев, реже видны прохожие, ворота некоторых домов заперты... От напряженности нервов грудь ширится и рвется. Хочется что-то сделать, чтоб скорее прорвать гнетущию тишину... Прибавляю шагу и скоро вхожу в завком фабрики. Встречают работницы, из них несколько членов завкома; чувствуется некоторая растерянность, показывают воззвания, которые принесены на фабрику утром — от Временного правительства и от Революционного Комитета. Сейчас же устраиваем небольшое заседание завкома, постановляем: воззвание Ревкома вывесить, Временного правительства — сжечь, устроить дежурство из членов завкома, а всех работниц распустить. Расходятся сосредоточенные, разговаривая вполголоса; нет обычного бабьего гвалта, чувствуется важность совершающихся событий.

Мы с Таней бежим в Предтеченский, в наш райком-клуб, а теперь боевой штаб. Тут жизнь кипит во-всю: пришли «тильмановцы» (пока первые) во главе с Шеногиным, ведется запись имеющих оружие; таких счастливчиков оказывается немного. Не унывают: «пойдем в Моссовет, там достанем»... Ушли... На смену сейчас же собираются другие, все молодые ребята — члены

союза молодежи. Дезертиров нет, все горят нетерпеньем доказать, что «сосунки» — народ тоже серьезный и за революцию постоят. Скоро и они ушли в Моссовет; в райкоме осталось с десяток человек.

Далеко—сперва изредка, а потом все чаще и чаще—слышались выстрелы, легкомысленно татакали пулеметы, иногда солидно и веско произносила свое слово трехдюймовка. Оставаться в бездействии было невозможно. Лихорадочно начали перетаскивать литературу, списки и бумаги в надежное место — на «Тильманса», куда райком постановил перенести штаб.

Начали организовывать санитарную помощь; в женских руках недостатка не было; девушки, члены союза молодежи, с радостью шли на эту работу. Немедленно произведена была реквизиция необходимых медикаментов для первой помощи, пошиты мешки с красными крестами — и отряд готов. Заминка произошла лишь в том, что раньше никто не работал по перевязкам, и «санитары» не знали, как это делать. Но и здесь скоро нашлись. Поймали Сайкину, она — медичка и сестра — об'яснила главные перевязки, а там, говорит, само дело подскажет, как нужно делать.

В районе пока делать нечего; на месте не сидится, тянет горячка боя. Недолго думая, решили пробраться к Моссовету. Идем по Никитской. На улицах толпятся любопытные обыватели; ведутся горячие разговоры на тему, сколько убитых, раненых; как всегда, из мухи делают слона, и самим становится страшно от своих слов — при каждом выстреле боязливо жмутся к воротам. Одни мальчишки, как воробьи весной, скачут по мостовой, перекликаясь звонко, не трусят.

С середины Чернышевского переулка поражает незнакомый звук, свистящий, точно камешек, выпущенный из рогатки, над самым ухом.

— Берегись, жмись к стенке! Жизнь не дорога, что ли? — раздается сердитый голос красногвардейца.

От неожиданности шарахаемся к стенке.

Московский Совет превратился в боевой лагерь: во всех залах, на ступеньках лестниц сидят, лежат и спят красногвардейцы, перемешавшись с солдатами.

Почти одновременно с нашим приходом к площади по Тверской прорвался броневик юнкеров. Раздался чей-то крик: «Выходи!» — все бросились на улицу и начался обстрел броневика. Стреляли упорно и яростно и скоро обратили его в бегство, он успел дать всего один выстрел из трехдюймовки, от которого только кое-где посыпались стекла. Внесли двоих раненых красногвардейцев, в суматохе попавших под выстрелы своих же; пришлось на них проявить свое искусство—перевязывать.

Поздно вечером, окольным путем, мы выбрались на Пресню. Пресня, против центра, в эту ночь казалась мертвым городом: пустые улицы, запертые ворота и мрачно притаившиеся громады домов с темными окнами. За ночь мы подготовили все, что могли, для походного лазарета.

Утром все ожило и зашевелилось: точно муравьи из потревоженного муравейника, откуда-то вылезли рабочие с винтовками и шли к штабу, перенесенному на «Прохоровку». На всей Красной Пресне, от заставы до Зоологического сада, тянулась цепь красногвардейцев, состоявшая исключительно из членов союза молодежи; тут и Сергей Яковлев, гордый своим участием в борьбе, и Шура Соколов, совсем на вид еще ребенок; дальше виднеется энергичное лицо Устинова, а там Блохин, Трушинский и много других; все они пришли отдать свои силы делу революции; многие из них погибли позднее на фронтах, оставшись верными идее рабочего класса.

Вскоре с Ходынки подвезли орудия, появились солдаты-фронтовики, искушенные в военном деле, — и началась боевая работа.

Бой начался с Кудринской площади. Юнкеров скоро оттеснили на Поварскую, и тут дрались долго и упорно, отстаивая каждый особняк.

Вскоре завязался бой на Никитской улице и по Новинскому бульвару.

Отчетливо помнится только начало боя, а дальше все перемешалось в сплошной клубок выстрелов, криков, стонов раненых. Санитарный отряд, состоявший почти исключительно из молодых работниц, из сил выбивался, стараясь подбирать раненых; санитарки часто тут же в разгаре боя перевязывали легкие раны, а тяжело раненых несли в ближайший госпиталь, где дежурили свои же работницы, не доверяя добросовестности кадровых сестер.

У Никитских ворот группа красногвардейцев, во главе с Шеногиным, строила баррикады на обломках большого дома, разрушенного снарядами; ребятишки улицы усиленно помогали им, таская разные вещи, и весело смеялись на залпы юнкеров.

Вспоминаются бледные, усталые от бессонных ночей лица, но нет в них ни страха, ни сомненья; каждый чувствует, что настал час борьбы, — еще только одно усилие, еще только несколько жертв, и победа будет за нами.

Молодежь Красной Пресни, как один из отрядов борящегося рабочего класса, через неделю после боев, разведок, отчаянной стрельбы и печальных утрат радовалась победе класса, захватившего власть, и еще крепче сжимала «верный винт» в своих руках.

АЛИМОВ

ОКТЯБРЬ 1917 ГОДА НА ПРЕСНЕ

Работал я тогда в фабричном кооперативе продавцом. По вечерам после работы, как сочувствующий большевикам, я ходил в районный комитет РС-ДРП, который помещался в Предтеченском переулке, в доме № 4. Там я записался в союз молодежи, состоявший в большинстве своем из рабочей молодежи заводов Пресни. Особенно много молодежи было с Тильманса. Занимались мы читкой брошюр, газет, проводили доклады. В общем под руководством группы большевиков (Слесарева, Беленького и др.) к Октябрю у нас сколотилась группа молодежи человек в 60. Накануне восстания, когда была произведена запись в Красную гвардию, наша группа влилась в организованные отряды.

О восстании, насколько мне не изменяет память, я узнал 24 октября в магазине. И когда вечером после работы пришел в райком, то был удивлен необычайным оживлением: люди нервно рассказывали о начавшемся восстании и о захвате Кремля. В Кремль в это время попали и некоторые из наших — Попов и Жаров. Каким-то чудом они на другой день вырвались. В этот же вечер часть наших ребят ушла к Моссовету, мы же, оставшиеся здесь, горя желанием принять скорее участие в восстании, просили Слесарева и других послать нас в разведку. Нам разрешили. Вооружившись имеющимся у меня наганом, я собрал ребят (фамилии их, кроме двух братьев Шишкиных, не помню), отдал двум

из них тесак и финку, имевшиеся у меня в запасе, и повел «отряд» к Никитским воротам. О расположении юнкеров мы совершенно не знали.

По дороге условились, что если «влипнем», то будем говорить, что идем к тетке в Газетный переулок. Когда мы прошли Никитские ворота, со стороны Тверского бульвара послышалась стрельба. Не успели мы очухаться, как вдруг неожиданно через наши головы раздались винтовочные выстрелы. Мы бросились бежать вниз по Никитской, но сейчас же вслед за нами послышались окрики: «Стой! Куда? Стрелять будем!» Делать было нечего — остановились. Об опасности в тот момент, несмотря на находящееся при нас оружие, мы мало думали. К нам подошла группа вооруженных людей во главе с офицером. «Ну, думаем, попались к юнкерам».

— Куда идете?

— К тетке, в Газетный переулок...

— Откуда?

— С вокзала.

— А почему бежали?

Мы хором ответили, что испугались выстрелов красных. Офицер почему-то поверил и, пробормотав о том, что в Газетный нельзя, крикнул: «Бегите, черти сопливые, обратно!» Мы бросились к Никитским воротам. Вслед за нами раздалось несколько выстрелов. Только тогда, когда мы добежали до переулка за Никитскими воротами, мы сообразили, какому риску мы подвергались. Если бы юнкера догадались нас обыскать, они бы задали нам «тетку».

Пошли дальше. В переулке на Тверской встретили солдат, которые нас остановили расспросами, что мы за люди. Узнав, что «свои», мы рассказали им всю историю с нами и о месте расположения юнкеров. После этого мы занялись делом. Зная, что здесь недалеко в окопах

наши, мы стали ходить по переулкам и заставляли открывать ворота, которые везде были заперты, и в случае опасности негде было укрыться. Мы требовали преддомкома и «внушали» ему свой приказ. В двух местах ворота открыть отказались. Зато мы открыли... стрельбу, и перепуганный преддомком, вместе с дворником выскочивший через парадный ход, тут же «исправил свою ошибку». Так и во второй раз. Уже вечером в 11 часов мы тронулись обратно в райком.

* * *

В первый день восстания оружия в райкоме почти не было. Были только две берданки и на руках кой у кого револьверы. Но на второй день, вооружившись берданками и револьверами, мы группами в 5 человек с одним вооруженным рассыпались по Пресне, Кудринской, Садовой, Грузинам и стали добывать оружие у студентов, офицеров, проходивших по переулкам — командовали: «Руки вверх!» и шарили за поясами и в карманах; кроме того, бегали по домам и отбирали в домкомах. В общем на второй день добыча была хорошая. Так мы вооружались первые дни. В следующие дни дело пошло как по маслу. Был организован штаб на Гуляние (в каком доме, не помню), который связался с 1-й артиллерийской бригадой на Ходынке, при помощи которой была обезоружена казачья сотня. Отобранные винтовки и патроны тут же, в штабе, были розданы нам и всем прибывающим добровольцам. На этом не остановились. Организовали три «десятки», и они под руководством Слесарева обезоружили милицию 1-го и 2-го комиссариатов, большая часть которой заранее разбежалась. Оружие из милиции было доставлено в штаб, где за ним уже стояли очереди беспрерывно прибывавших добровольцев.

Тут же под руководством солдат и Дугачева происходило обучение молодняка обращению с оружием. Из «обученных» формировались новые десятки, которые посылались на помощь нам, ушедшим вперед. Мы уже в это время делали разведки, а затем, подкрепленные орудиями с Ходынки, начали обстреливать с берега Москва-реки пикеты юнкеров и 5-ю школу на Смоленском рынке. В ответ юнкерами, со стороны женской тюрьмы, были обстреляны из пулемета наши спальни; особенно досталось Варакинской — пули сыпались на нас, как горох; рабочие в панике прятались куда попало. После этой операции нами на 4-й день боя при поддержке орудия с Кудринки было произведено нападение на Смоленский рынок. У Арбата при помощи броневиков юнкера нас разогнали. Но внутри юнкеров произошел раскол; многие ударники, участвовавшие у них, после этого боя стали перебегать к нам. Попутно с обстрелом 5-й школы, была обстреляна Поварская и церковь Бориса и Глеба, на колокольне которой юнкера устроили наблюдательный пункт. Снарядами от Зоологического сада часть колокольни была разрушена.

Во время одного из боев, когда мы были прижаты за оградой Вдовьего дома, раздались выстрелы из большого дома на Кудринке; туда было пущено несколько снарядов, и выстрелы прекратились. Был произведен обыск, и там нашли четырех переодетых юнкеров, которых отправили в штаб. Часто были стычки у Никитских ворот, но здесь было трудно драться, так как сбоку все переулки были заняты юнкерами, и мы не раз попадались в ловушку. В одной из таких ловушек погиб т. Говардовский, молодой рабочий с Прохоровки, который, увлекшись вместе с другими преследованием, был убит из-за угла. Интересная подробность: у юнкеров нехватало продовольствия, и они возили его через наши

участки переодетые возчиками или под видом снабжения раненых солдат. Один такой обоз в 18 подвод с консервами мы все же захватили. «Возчики» разбежались. Этот неожиданный захват консервов был хорошей поддержкой штабу, так как бойцов уже были сотни, надо было всех накормить. В магазинах продовольствие доставали с трудом. Нужно отметить, что грабежей в то время почти не было. Было только несколько попыток примазавшейся шпаны разгромить магазины, окна которых были разбиты орудийной пальбой, но эти попытки быстро ликвидировались, и окна магазинов заколачивались досками.

В последний день перед сдачей юнкеров ночью к нам на пост прискакал гонец с приказом от Ревкома — в виду перемирия прекратить обстрел юнкеров. Частью стрельба была прекращена. Но на другой же день по почину юнкеров снова пошла борьба, уже с большим перевесом на нашу сторону. На седьмой день юнкера сдались. Московский пролетариат торжествовал победу.

Ф. КИСЕЛЕВ

ЗА ЗАВОД

(Эпизод из жизни на Машиностроительном заводе).

1

Все чаще и чаще ухают трехдюймовки. Все ближе и ближе к заводу ружейная перестрелка. Из района пришло добавление.

Отряд сестер наскоро в механическом корпусе организовал походный лазарет.

На посту у ворот стоят двое.

По переулку ходит патруль.

Один из патрульных вытащил из кармана папироску, хотел закурить ее, но его товарищ одернул за рукав, молча указал на перебегающие фигуры юнкеров. Оба быстро бросились к заводу, беспорядочно стреляя на ходу.

В карауле красногвардейцы бросились к винтовкам на улицу.

— Без паники! — кричал властно Иванов.

Выбежали на улицу, расположились цепью по баррикадам.

Показались юнкера: пригибаясь, они по одиночке перебегали за ограду соседней церкви.

На баррикадах щелкнули затворами.

— Не сметь! — крикнул Иванов. — Без команды патронов не тратить. Стрелять по верной цели.

Выскочили юнкера. Затрещали выстрелы, редкие,

но меткие. Мостовая, запорошенная свежим снегом, запятнела в разных местах.

Иванов бегал за баррикадами, ободряя красногвардейцев.

— Ничего, ребята, подержимся немного, а там и подкрепление придет.

Белые не прятались за прекрытием, а рассыпанным строем, наседали на баррикады.

Иванов окинул взглядом приближающихся юнкеров, заскрипел зубами и, молча дернув Степку за рукав, бросился во двор завода.

В завкоме Иванов схватил телефонную трубку и, яростно нажимая рычаг, кричал в нее:

— Станция!!! Черти!!! Уснули, что ли?!

Телефон не работал.

Иванов схватил лист бумаги и карандаш, лихорадочно стал писать. Написал, отдал Степке.

— Степа, беги в штаб, да как можно скорее. А мы пока подержимся.

Степка схватил бумажку и сунул ее в карман.

— Только не сюда, — запротестовал Иванов и, взяв карабинку, открыл затвор, свернул поданную Степкой бумажку в трубочку и засунул в магазинную коробку.

— Так-то верней будет, — сказал он, передавая Степке карабинку. — На, лети, не влопайся.

2

Не бежит, а летит Степка. Знает, что если не успеет он, пропадет все: и завод, и красногвардейцы.

Темно. Жутко. Над головой Степки впиваются в стены шальные пули. Того и гляди зацепят. Вдруг шаги; Степка остановился. В маленькой головенке мысли заметались роем пчелиным: «свой или чужой?»

Из-за угла выходит юнкер. Степка присел, хотел бежать обратно, но юнкер, вскинув винтовку, крикнул:

— Стой, ни сместа!

Степка остановился. Бежать было бесполезно: пристрелят, пропадешь не за понюх табаку. Лучше пойти на хитрость.

Когда юнкер подошел близко, Степка, притворно улыбаясь, сказал:

— Я думал — красногвардеец, а это оказывается свой.

Но юнкеру было не до рассуждений. Протянув руку, он резко спросил:

— Документ есть?

— Документ? Пожалуста, вот мой документ, — сказал Степка и, нащупав в кармане какую-то бумажку, подал ее юнкеру. Он был близорук. Он поднес бумажку к самому носу:

— Посмотрим, — сказал он подозрительно.

Одним глазом Степка скользнул по бумажке... и мурашки забегали у него по телу. На бумажке рукой Иванова было написано: «Гибнем. Завод окружен. Необходима помощь».

— Ошибся, не ту бумажку дал... Не эту положил в карабинку, — сверкало в головенке.

Но раздумывать некогда. Надо бежать... Быстро пригнулся, боднул в живот юнкера и бросился к досчатому забору. Подтянулся на руках, перебросил ноги через забор и очутился в переулке.

Бросился бежать по переулку. Слышал, как юнкер вскочил на забор, щелкнул затвором. Выстрелил.

Степка схватился за руку: ее обожгло. Быстрей пустился бежать, а в голове несвязные мысли.

«Только бы до штаба... Машиностроительный окружен... Юнкера...»

Что-то теплое, липкое сочилось сквозь пальцы, Степка сильнее прижал рану. Чувствовалось, что бежать становится труднее. Силы покидают. Ноги подламываются.

«Не добегу. Не вынесу... Пропадут все...»—думал он.

3

Очнулся на носилках. От толчков медленно открыл глаза.

«Чьи? Кто несет? Не лучше ли притвориться убитым?»

— Я знаю его. Это — сынишка Иванова, молотобойца с машиностроительного, — услыхал Степка неизвестный голос.

Открыл глаза. Двое рабочих несли его на носилках.

— Эге, да он никак оживел? — сказал один из рабочих.

А другой, крикнув Степке, спросил:

— Ну, вояка, а где же твой отец?

— Машиностроительный окружен... Юнкера... Наших мало... Не выдержат... — выдавливал из себя слова Степка, чувствуя, что снова теряет сознание.

4

Иванов прислушался. Из-за винтовочных выстрелов, из-за стонов раненых он услыхал характерное татаканье пулемета.

— Неужели наши? Неужели Степка все-таки добрался?..

Выскакивающие из переулка грузовики, наполненные красногвардейцами, подтвердили эту мысль и заставили Иванова, как мальчика, подпрыгнуть от радости.

— Товарищи, завод спасен. Глядите!

С грузовиков спрыгивали красногвардейцы, стаскивали патроны и ползком направлялись к баррикадам.

Грузовики выехали за баррикады. Пулеметы сеяли смерть в рядах смявшихся белогвардейцев. Молодой прапорщик, с георгиевским крестом, кидался из стороны в сторону с револьвером в руке, старался остановить отпрянувшую лавину, но бессильный это сделать, с отчаянием на лице, сунул ствол нагана себе в рот и выстрелил.

— По переулку, в обход! Отрезать отступление! — крикнул Златоверов.

Красногвардейцы бросились в проходные дворы и по переулкам. Пулеметы крыли белых с фланга. Белые не выдержали, в их рядах взметнулись флажки.

— Ага, шантрапа, сдается, — крикнул Иванов.

5

Степка открыл глаза. Мучительно скривил губы от боли, вскочил.

Послышалось шлепанье туфель, и старушка-сиделка подошла к Степке.

— Лежи, лежи, касатик! Тебе нельзя вставать.

— Бабушка, я должен сказать...

— Все сказано, голубчик. Все сказано...

В коридоре послышались шаги, распахнулись двери, и два санитара внесли на носилках раненого. Степка узнал в нем одного из защитников завода.

— Куда вы меня несете? Куда несете? Надо быть идиотом, чтобы с такой ерундой положить меня на койку, — орал красногвардеец, рабочий с завода Тильманса.

— Вы сами не знаете, что вы говорите. Успокойтесь! Вас контузило. Вас подняли, когда вы были без сознания, — мягко возражала сестра.

— Ни черта. Я живучий.

— Как завод? — спосил Степка у красногвардейца, а глазенки щурились, ожидая ответа.

— Отстояли... Помощь подоспела...

— Отстояли... Во... Наш завод...

Степка спустил с койки ноги, искал глазами свои скороходы.

— Куда, куда ты, касатик? Лежи!..

— К заводу, посмотреть...

ХАМОВНИКИ

И. Г. САВИН

«ПРОПАГАНДЫ»

В сентябре 1917 года, накануне выборов в районные думы, к нам в мастерскую пришел незнакомый рабочий. Он сразу направился ко мне и сунул в руку запечатанный конверт. Поворачиваясь уходить, он сказал:

— Прочти и обязательно приходи... да еще с собой кого-нибудь захвати...

Я не стал расспрашивать рабочего, кто он такой. Через минуту я узнал это из письма: оно было от Дорогомиловского кружка рабочей молодежи. В письме извещалось, что «сегодня, в 8 часов вечера, состоится собрание кружка социалистической молодежи». Была указана также повестка собрания: «Работа молодежи во время выборов в думу». Адрес сбора я сейчас уже не помню, но хорошо представляю место — это была одна из полуподвальных чайных Дорогомилова.

В восемь часов я и еще два моих товарища по работе (один из них, помню, Федя Некрасов) отправились в чайную. Итти было недалеко — наша мастерская помещалась на Смоленском рынке.

Всю дорогу ребята расспрашивали у меня, куда и зачем идем и не могут ли нас убить. Я успокоил их насчет «убийства», а про остальное сказал, что сами узнают.

Когда мы пришли в чайную, там уже было человек десять молодежи. Среди них находился пожилой рабочий. Шел оживленный разговор. Большинство слушало рабочего, который рассказывал о петроградской организации «Труд и Свет», о большевиках, в частности об Ильиче.

Через полчаса нас уже стало около тридцати человек и, немного погодя, собрание открылось.

Доклад был недолог. Задача, поставленная перед нами, состояла в распространении листовок и программы РС-ДРП(б).

В листовках было «Голосуйте за список № 5».

После собрания каждый из нас получил по пачке программ и листовок, а также место действия. Помню, мне достался участок — Смоленский и Зубовский бульвары.

На следующий день мы начали свою работу.

Вспоминается небольшой, но характерный случай.

В одном из переулков Смоленского находилось избирательное бюро.

Каждый список имел свою урну. Кроме того, здесь же стояли столики. За каждым из них находились представители различных партий и «агитировали» (в пределах возможного) «в свою пользу». Дело было уже к вечеру. Для удобства столики вытащили на улицу и там продолжали раздачу листовок. Особенно усердствовали кадеты (список № 1), так как, кажется, только у них оставалась еще гора литературы. На их столике горели фонари, и несколько гимназистов вертелись вокруг, всучивая публике кадетские писания.

Мы (от списка большевиков нас было пять человек) стояли в стороне и нервничали от злости: всю нашу литературу мы уже роздали. Думали, думали, как бы это выйти из такого положения и, наконец, решили.

«Закрыть кадетскую лавочку», — таково было наше постановление.

Бросили жребий. «Бить фонари» — досталось т. Михайлову (член кружка рабочей молодежи). Остальные должны были действовать вслед и уничтожить кадетскую литературу. Наш порыв был настолько велик, что мы, сознавая нетактичность поведения, все же решились на такой шаг.

Все сразу трогаемся к «кадетам». Михайлов впереди. Он уверенно подходит к столу, берет фонари и бьет их об мостовую. Мы быстро налетаем на стол, опрокидываем его и, захватив по куче листовок, несемся прочь.

За нами, стреляя в воздух, бегут милиционеры, но мы благополучно скрываемся, оставив на пути клочки изорванных листовок. Лавочка кадетов была закрыта.

* * *

После выборной кампании, через несколько дней у нас в кружке рабочей молодежи состоялось еще собрание. Ставился вопрос о профсоюзе. Лозунгом тогда было выдвинуто «Вся молодежь в профсоюз!» После собрания я пришел в мастерскую и, недолго думая, стал агитировать рабочих вступить в профсоюз. Этот разговор услыхал хозяин. Как пробка, влетел он в мастерскую и набросился на меня.

— Ты здесь у меня пропаганды не разводи, а иначе я тебя выгоню ко всем чертям!!!

Хозяин долго не мог успокоиться. А ребята тут же дали мне кличку «Пропаганд».

«Пропаганду» я не прекратил. Тем более, что после первой агитации мне удалось получить согласие войти в профсоюз от трех товарищей (всего в мастерской

работало человек двадцать — преимущественно молодежь. Мне было 16 лет).

Через три дня я отправился в комитет профсоюза. который помещался в Дорогомилове (направо от моста) в маленьком одноэтажном домике.

Записав товарищей в профсоюз, я пошел к организатору союза и об'яснил ему, что хозяин хочет выгнать меня «за пропаганду».

— Ничего, он не имеет права, — сказал мне организатор.

Придя в мастерскую, я на зло хозяину повесил принесенный из комитета плакат «Все — в профсоюз!»

Через десять минут плаката не стало, а утром я получил расчет. Снова я пошел в профсоюз — хозяина прижали, и он выдал мне за две недели вперед.

Промыкавшись неделю без работы, я поступил чернорабочим на завод Гужона (получал 30 к. в день). Знакомых ребят там еще не было, и я держал связь с Дорогомиловым.

На одном из собраний состоялся доклад о юношеском дне.

Помню, в заключение докладчик сказал: «Да здравствует III Интернационал!» Я в то время мало знал об интернационалах, поэтому записал в свою книжечку: «III Интернационал — это наш». На этом же собрании ставился вопрос о демонстрации. Постановили: каждый присутствующий должен прийти и привести с собой возможно больше молодежи.

После собрания мы остались и принялись писать плакаты, знамена и лозунги. Из лозунгов помню: «Долой министров-капиталистов!», «Да здравствует III Интернационал!», «Да здравствует власть советов!»

В день демонстрации, 15 октября, я вместе с тремя ребятами с фабрики Сытина рано утром направился

к месту сбора. Народу там было уже много. Зарегистрировались. Молодежь была бодра и гордилась своей силой, — настроение было веселое. По пути на Красную площадь все время выкрикивали лозунги.

С митинга на Скобелевской площади мы все. союзники, хотя и здорово уставшие, возвратились к себе в Дорогомилово и устроили собрание. Единственным вопросом было — достача оружия и патронов.

Эта задача выполнялась нами вплоть до Октября.

Оружие доставали мы через юнкеров 5-й школы, помещавшейся на Смоленском рынке. Патроны, например, мы доставали у юнкеров в обмен на масло, которое, кстати сказать, таскали из их же школы. Но дело шло плоховато. Решили покупать «за наличные».

Денег у нас было мало — потому и патронов нам давали немного. Из положения все же выходили. Некоторые ребята продали белье и приобрели таким образом револьверы и патроны.

Вечером, перед восстанием, когда мы собрались в нашей чайной (человек двадцать было), пожилой рабочий (фамилию так и не помню) спросил:

— У кого есть оружие — поднимите руки...

Подняли почти все.

— Это хорошо, — радостно сказал рабочий и сообщил, что ночевать сегодня будем в чайной.

— Если кому нужно, могут на час отлучится, — добавил он.

Мы с товарищем решили сбегать домой—поужинать.

Кругом было тревожно. Суетливо спешила публика. А у Смоленского мы уже встретили казачьи раз'езды, разгонявшие столпившихся прохожих. К Арбату пройти было нельзя, и мы вернулись обратно.

Спать в эту ночь не пришлось. Работа кипела во-всю. Нас троих — меня, Некрасова и Николаева Игната —

направили в Хамовнические казармы разузнать, что там творится. Было уже два часа ночи, когда мы подошли к казармам.

К зданию нас не подпустили — оно было оцеплено солдатами. Пришлось итти в обход, лезть через какой-то сад. Исцарапались мы изрядно, но в казармы попали. Солдаты были уже наготове, в полном снаряжении, и через некоторое время ушли. Куда — нам известно не было, а спросить в такой обстановке не осмелились. Решили следить. Тронулись за ними. Некрасова на всякий случай послали в Дорогомилово. Не успели мы с Игнатом прошагать вслед за солдатами и десятка саженей, как нас неожиданно схватили, посадили на автомобиль и повезли на Пречистенку. Там был штаб белых. В штабе, юнкера, избив нас плетями, посадили в подвал. К счастью, подвал был некрепок, и через полчаса мы уже на воле раздумывали, как пробраться в Дорогомилово. Кругом шныряли юнкера и попасть к Дорогомилово не представлялось возможным. Игнат решил попытать и тут счастья, а я направился в Даниловский район, порвав с этих пор связь с Дорогомиловым.

Штаб Даниловского подрайона находился в саду Шрейдера в двухэтажном белом доме. Помню еще, что клуб молодежи помещался на Б. Тульской улице, на углу Воскресенского переулка. Здесь около моста я стоял на посту и проверял у проезжающих автомобилей пропуска.

Через два дня нас, около десяти человек, направили в район Крымского моста для доставки патронов.

В момент нашего прибытия шел оборонительный бой. У нас хотя и было орудие, но снарядов было очень мало. Патронов также. Их приходилось доставать из Хамовнических казарм, перевозя на лодках. Несколько раз с большим усилием, пришлось нам проделывать этот рейс. С подвозом патронов дела пошли успешней, и

скоро мы добрались до Каменного моста, где у белых были вырыты окопы. Главный неприятельский пункт теперь был Кремль. Через некоторое время мы перешли Каменный мост и пошли в наступление, направившись через Александровский сад, вместе с прибывшими рабочими, к Боровицким воротам. К вечеру Кремль был взят. Из всех районов шли вести о победе.

Через несколько недель после Октября в наш кружок рабочей молодежи сообщили, что нужно выделить одного товарища для посылки на фронт. Бросили жребий. «Ехать» — досталось мне. Через 3—4 дня наш отряд покинул Москву.

А. АФОНИН.

БОЕВЫЕ ДНИ

1-я общегородская конференция союза молодежи, происходившая 8 октября 1917 года, дала призыв к демонстрации рабочей молодежи Москвы.

15 октября молодежь Москвы выступила на улицу.

Это был первый юношеский день.

День солидарности с западными товарищами.

День удара по Временному правительству.

День борьбы за власть советов.

14 октября 1917 года около 6—7 часов вечера на Девичьем Поле в доме № 6, где помещалась студенческая столовая, происходило собрание Хамовнического союза молодежи. Маленькая комнатушка столовой, туго набитая ребятами, казалась еще теснее от переплетавшихся в густой гул звонких голосов. Назначенный час близился к концу, и новые ребята то-и-дело уплотняли незначительное пространство столовки.

Входя в комнату, ребята радостно здоровались и сейчас же вплетались в общий разговор. А поговорить было о чем: каждый день выдвигал все новые и новые вопросы. И сейчас, при общем сборище — тем более: ведь тут были ребята и с Жиро, и с Гюбнера, и с «Каучука»— у всех свои новости. Новости, связанные с общим ходом событий.

Только что полученный журнал «Интернационал Молодежи», в которой «вчитываются» ребята, статьи

«Социал-Демократа» — боевая газета большевиков — дают толчок к новым разговорам.

Тесновата была комнатушка для больших разговоров.

* * *

Собрание открыто. Все внимание к председательскому столу. Быстро избрали председателя. Слово для доклада — Володе Голенко.

Надо сказать, что Володя был одним из сильных наших агитаторов; он часто выступал на фабриках, в казармах. Говорил он красочно и убедительно и сразу приковал к себе внимание аудитории.

В своем докладе он нарисовал картину тяжелой работы западных товарищей; рассказал о войнах, где гибнут миллионы молодежи; рассказал о бернской конференции, провозгласившей лозунги против войны и угнетения.

— Пусть же наша демонстрация, идущая в ногу с западными товарищами, будет мощным потоком борьбы против войны и сигналом к мировой революции, — закончил Голенко.

Доклад прошел с большим под'емом и закончился бурной песней.

Уже ночью расходились ребята по домам. У всех была одна мысль: поскорее бы наступило утро, утро юношеского дня.

* * *

Осенний, утренний воздух приятно холодит лицо. Солнце только что взошло и мелкими блестящими мазками искрится на листьях деревьев.

Боясь опоздать на сбор, ускоряю шаги.

Вот и Девичка. Торопко иду по широким аллеям. И, наконец-то, в просветы между тополей вижу красные знамена и группу ребят, собравшихся у домика союза молодежи. Невольно оглядываюсь на Девичку—она тоже полыхает кусками кумача.

Собралась уже большая группа. Ребята радостно, с звонким смехом встречают каждого прибывающего. Смех, шутки не смолкают. Кто-то хочет затянуть песню, но на полслове обрывает.

Володя Голенко, остановив шум, говорит: «Товарищи, срочно группами направляйтесь по фабрикам, казармам собирать молодежь на демонстрацию. Сбор у Совета».

Раз'яснений никаких не требуется — быстро строимся и идем. Дорогой обсуждаем план действия, каким образом организовать демонстрацию крепче.

Ветер парусит красное знамя, клонит его назад, отчего фигура знаменосца становится еще прямей. Мы невольно подравниваемся. Кто-то из ребят с увлечением рассказывает, как он на митинге в клубе фабрики Жиро сцепился с меньшевиком и разбил его до основания.

Лена Малиновская, поблескивая стеклами пенснэ, улыбаясь жалуется, что нет у нее до сих пор организационной жилки. И так за разговорами незаметно подходим к фабрике Гивартовского. Узкая калитка вытягивает нас гуськом.

На большом фабричном дворе много рабочих. Они с любопытством нас рассматривают, но, узнав, кто мы такие и зачем пришли, несколько рабочих провожают нас к общежитию молодняка.

С шумом ввалились мы в большую комнату.

Комната уставлена рядами кроватей. Ребята только что поднялись—шла утренняя уборка. Наше появление было неожиданно, и они смущены, тем более, что рабочие

и работницы, пришедшие с нами, острили над ними по поводу долгого спанья. Через несколько минут ребята уже были готовы и сгрудились вокруг стола. Митинг был короткий. Оратор пояснил значение сегодняшней демонстрации и закончил призывам: «Вся молодёжь на улицу!»

Призыв всколыхнул ребят и не только ребят, но и взрослых рабочих и работниц.

Оживленно разговаривая, все мы вышли на улицу и, построившись в ряды, тронулись к Совету под песню:

«Мы кузнецы, и друг наш—молот.
Куем мы счастия ключи...»

Песня широко развевалась вокруг и вскоре откликнулась живым эхом: по Большой Царицынской шло подкрепление—молодежь с «Каучука», Гюбнера и др.

Было радостно, что выступление будет мощным и боевым.

* * *

Маленький дом Совета стал еще меньше от обступившей его толпы демонстрантов. Колоннада у входа кругом уставлена знаменами и стягами. Когда последнее подкрепление подошло к Совету, на лесенку колоннады вышел т. Вятич и выступил с речью.

В широкополой черной шляпе, из-под которой выпирали длинные волосы, в черном плаще, он был похож на мексиканца.

Сначала он говорил робко, но затем голос его стал сильным и решительным, чем сразу вызвал одобрение ребят, настроенных на боевой лад.

После т. Вятича выступило еще несколько ораторов. Мысль у всех была единая: покрепче сплотить молодежь—пробудить революционное сознание к будущим битвам и работе.

* * *

Многолюдной стройной колонной, окруженные взрослыми рабочими, партийцами, которые с любовью охраняли нас, с песнями двинулись к центру. Песни не смолкали. Пелись они с каким-то особым задором, вызывавшим или улыбку, или, в большинстве, ядовитые выкрики со стороны «старорежимных господ». В центре эта озлобленность наиболее выявилась. Но мы не обращали на это внимания и, подогретые колкостями, еще с большей энергией взвинчивали свои молодые глотки, заглушая реплики проходящих барынек и «молодых людей» с нафабренными усами.

У Пречистенских ворот донесся слух, что впереди демонстрацию ожидают казаки. Настроение повысилось еще более.

Казаков не оказалось. Зато на всем пути нас встречало улюлюканьем офицерство и прочая белая сволочь, с которой, при более хороших для нас обстоятельствах, мы встретились позже.

Так мы дошли до Красной площади.

Многие районы уже были там.

Когда все районы собрались — общей колонной тронулись к Скобелевской (Советской теперь) площади.

Еще до нашего прихода там толпился народ. С балкона здания Московского Комитета партии (б. гостиница Дрезден), мимо которого к месту митинга проходили колонны, боевыми лозунгами приветствовали нас большевики. Тесным кольцом, перемешавшись с солдатами, мы окружили памятник. Многие взобрались прямо на памятник, на фонари, и махали оттуда руками, торжествуя победу над «Белым генералом».

Вся площадь пылала знаменами, лозунгами:

«Трепещите тираны! Юный пролетарий восстал против войны».

«Долой войну!»

«Война — войне».

«Протестуем против лишения прав голосования 18- и 19-летних».

«Пролетарская молодежь всех стран, соединяйся!»

«Да здравствует III Интернационал!»

«Мир — хижинам, война — дворцам».

«Мир всему миру».

«Долой министров-капиталистов».

«Вся власть Советам».

Лозунги воодушевляли молодежь. На гуляющую публику,—тут были офицера, поблескивавшие погонами, с нагайками в руках, накрашенные дамы и пр., вплоть до «социалистически» настроенных интеллигентов вместе с их желторотыми птенцами в гимназических фуражках,— на эту публику лозунги производили убийственное впечатление. Весь этот «цвет страны» с истерическим негодованием шипел и плевался в нашу сторону. Но мы, «оцепившие» тугой хваткой самого «Белого генерала», не боялись их.

* * *

Митинг прошел с необычайным под'емом. Речи т.т. Смидовича, Афанасьева и других показали, что молодежь полна решимости к бою с буржуазией.

В подтверждение своих слов молодежь внесла резолюцию—наказ I Всероссийскому с'езду.

Взять власть в свои руки.

Перемирие на всех фронтах.

Заключение всеобщего мира.

С песнями демонстранты расходились по своим районам.

Так прошел первый юношеский день, ставший предвестником октябрьского восстания.

Через десять дней молодежь выступила на баррикадах.

* * *

Днем 26 октября, направляясь к себе в Хамовники, я шел по центру. На Лубянке нагнал роту солдат. Шли они к Моссовету. Около Театральной площади они почему-то остановились. Солдаты, хмурые, недовольные, о чем-то спорили с офицером. Пошел дальше. У городской думы расхаживали вооруженные юнкера. Тут же у парадного встревоженно суетилась кучка офицеров. Народ, пугливо озираясь, торопливо обходил военизированную Думу. Чувствовалось, что вот-вот что-то взорвется. На Красной площади встретил товарища. Перекинулись несколькими словами.

— А знаешь, — заявил он, — с большевиками хотят расправиться...

Я резко ответил, что быть этого не может. Расстались.

Площадь была пуста. Моросил дождь.

. . . .

Вечером, кажется, этого же дня, вместе с первым боевым отрядом были организованы санитарные летучки. В одну из них попал и я.

На нашу долю выпал район Смоленского и Арбата. Этот участок был заселен торгашами и купцами рынка, чиновничеством, средней интеллигенцией. Все они к большевикам относились неприязненно, в большинстве со злобой. Тут же неподалеку находилась 5-я школа прапорщиков. В работе, вообще говоря, помощи предвиделось мало. Итак, получив задание, мы покинули центральный перевязочный пункт (студенческая столовая, что на Царицынской ул.). В воротах встретили

т. З. Соловьева. Он прошел с нами несколько шагов, дав ряд советов и пожелал успеха.

В нашей группе находились: Абрамова, Гугунова, Дмитриев мл., кажется Соня Шамберг, Миша Шорин-Абрамов и кто еще, не помню.

Нашими задачами были: первая помощь раненым и связь с центральным пунктом.

Когда подошли к Арбату, стало совсем темно. Густые тучи тянулись по небу, затягивая оставшиеся кусочки синевы. Арбат тих и пуст: трамваев нет, люди попрятались по своим домам.

Большой зал на втором этаже, куда мы пришли, пуст. Из больших окон по нему разливается свет уличного фонаря, отбрасывая на стены и на пол наши большие изломанные тени.

Не мешкая, распределяем дежурства. Один из нас должен быть у парадного и следить за происходящим на улице. Один дежурит у окна. Окна высокие, и улицу видно очень хорошо. Первая смена занимает свои места, а оставшиеся забираются в угол зала, чтобы хоть немного спрятаться от холода. Спать нет ни охоты, ни возможности, и ребята коротают время разговорами, рассказами, кто во что горазд.

Среди ночи начали раздаваться выстрелы. По Арбату в сторону Художественного кино-театра пробежало несколько групп людей. Выстрелы стали учащаться и перешли затем в сплошной треск. Старательно осматриваем все доступное поле действия—раненых нет.

Так продежурили всю ночь. С рассветом решили пойти в Совет, где помещался ревком, что бы получить дальнейшие указания. У Зубовской площади ружейная трескотня: вдоль по Пречистенке неуверенно наступают юнкера. Но несмотря на стрельбу, у пекарни на Зубовской—очередь за хлебом. Бабы, стоящие в очереди, при

каждом выстреле жмутся друг за друга и на чем свет стоит калят юнкеров.

Тут же на площади встретил брата, работавшего в разведке. С радостью он сообщил, что только что удрал из плена. На Арбате к нему пристали юнкера и забрали бы, если бы он не догадался спрятать в голенище союзный билет. Обыск прошел благополучно — ничего «предосудительного» не нашли.

В Совете большое оживление. Кругом толпились группы рабочих: шла организация отрядов Красной гвардии. Когда мы вошли в здание, бросилась в глаза куча оружия, наваленная на столе. Этот арсенал, смесь настоящего с допотопным, в роде старинных пистолетов, был собран за ночь среди подозрительной публики.

В одной из комнат встретил т.т. Розанову и, кажется, Вятича. Они расспросили о дежурстве и решили направить нашу группу в студенческую столовку помочь наладить питательный пункт. Направились туда. По Б. Царицынской передвигаться пришлось с трудом, пули то-и-дело свистели мимо нас — приходилось ловчиться, чтобы не попасть под «шальную».

Студенческая столовая за ночь стала неузнаваемой. Большинство комнат уставлено кроватями. На нескольких лежали раненые красногвардейцы. Комната, где бывали собрания, превращена в питатетльный пункт.

За узким длинным столом сидят красногвардейцы и при деятельном участии наших союзных девчат, которые все подкладывают каши (знаменитая каша!), подкрепляются основательно.

В эти короткие перерывы за столом было оживленно и весело. Красногвардейцы, наскоро прожевывая кашу, умудрялись тут же рассказать ворох своих приключений. Но такие минуты были коротки. Они снова шли в бой, не зная возвратятся ли еще раз.

Особенно запомнился наш союзный герой т. Манинов. Несколько раз раненый, он заходил на пункт сделать перевязку и, подзакусив, снова шел драться на Пречистенку или Арбат. Однажды он попал в плен. Юнкера хотели его расстрелять (Манинов попадался к ним не в первый раз), но и тут им не удалось с ним разделаться: он удрал, перебравшись через каменную стену двора, куда его загнали, и опять пробрался к своим.

В плену у белых побывал из нашего молодняка еще т. Янулевич (с завода «Каучук»). Его, Каспирович и одну работницу т. Розанова из ревкома послала проверить слух о взятии Александровского училища. Слух оказался неверным, и вся тройка попала в плен. Но ненадолго: ребята прикинулись обывателями и удрали.

Кажется, на четвертый день мы с братишкой попали домой. Жили мы на Остоженке. Мать, увидев нас, заплакала; ей кто-то сообщил, что нас убили. От отца до сих пор не было никакого слуха, и это расстраивало ее еще больше. Где он — никто не знал (он работал тогда в Бутырском ревкоме).

Зато сестренка и младший брат наперебой рассказывали о всем виденном (правда... из окна).

Как только я появился, в квартиру пришел один из «видных» жильцов нашего дома, присяжный поверенный, и сообщил, что если у нас есть оружие, то его необходимо сдать ему. Кроме того, он предложил вступить в отряд, организуемый из жильцов, для охраны дома.

— Вы понимаете, по улицам ходят всякие банды, время тяжелое...

Его красноречие не помогло, оружие мы не сдали и в отряд не пошли. Дом в большинстве был населен чиновниками и офицерством, и «охранное» настроение «поверенного» было понятно. Позже в этом доме было

отобрано много оружия и арестовано несколько человек, замеченных в стрельбе по соседнему дому, где жили рабочие с фабрики Жиро.

Через полчаса, набив карманы с'естным и воспользовавшись тем, что мать занялась «разоружением» младшего братишки, который приготовился бежать с нами, мы помягче прикрыли дверь и скоро снова шагали к ревкому.

Кругом темнота. Окна домов тщательно завешаны, чтобы не быть мишенью орудий и винтовок. Только по небу бегают лучи прожекторов, на минуту впиваясь в тени домов. Тишину прорезывает треск ружей и зловещий рев снарядов. Раскаленные, они замирают на секунду и гулко рвутся вдалеке над городом. Бой, очевидно, усиливается. С Хамовнического плаца «разговаривают» наши орудия—это радует. Бегом, мимо наших окопов на Пречистенке, сворачиваем к Девичке—к ревкому.

Так шли боевые дни.

Л. ФЕДОРОВ

III ИНТЕРНАЦИОНАЛ ПОБЕДИЛ

В июне 1917 года, как известно, при московском комитете РС-ДРП (большевиков) создалась организация молодежи. В июне же из этой организации выделилась группа товарищей — В. Г. Голенко, Пеньков, Ал. Тольский, А. Тормозова,—проживающих в Хамовниках, с тем, чтобы начать работу по созданию районной организации молодежи. При помощи райкома РС-ДРП (большевиков) удалось отвоевать у правления студенческой столовой на Девичьем Поле маленькую комнатенку, вернее часть комнаты, отгороженную большим шкафом.

Вышеуказанная группа хамовнических товарищей начала свою работу с группирования вокруг себя одиночек и их политического образования. Сначала принялись за совместное чтение «Краткого курса экономической науки» Богданова, брошюры Рожкова «Капитализм и социализм», а затем за организацию библиотеки и за распространение большевистской литературы. Первоначально в организации преобладала учащаяся молодежь: Владимир Голенко, Алексей, Сергей и Мария Тольские, Мицкевич, Елена Малиновская, Михаил и Софья Шамберги, Самуил Шелехес, братья Рожковы, братья Дмитриевы, Гугунава, Александр и Николай Афонины, Лежнев, Хватов. Рабочей молодежи было немного: Манин (слесарь одного из заводов в Лефортове), Ковалев (фабрика мыльных порошков «Пуль»), Наталья Стогова (парфюмерная ф-ка Дмитриева), Антонина

Тормозова (портниха), Янулевик (завод «Каучук»), Бридкин (завод «Каучук»), Сивов (часовщик), 3—4 паренька с шелко-ткацкой ф-ки Жиро во главе с Бакуновым (быв. рабочий ф-ки Жиро), приехавший с фронта солдат Артур Михельсон, один с кондитерской фабрики Эйнем, да еще двое или трое рабочих, фамилии которых, к сожалению, забыл. Если сюда еще прибавить служащих Пенькова, Веру Ульянову, сестер Марию и Екатерину Абрамовых да поэта Мишу Шорина-Абрамова, — вот и весь состав хамовнического союза рабочей молодежи «III Интернационал» к сентябрю 1917 года.

В состав районного комитета союза входили: Голенко, Пеньков, Тольский Алексей, Дмитриев Алексей, Тормазова. Делегатами от района в Московском Комитете союза молодежи являлись Голенко и Пеньков.

В сентябре деятельность Хамовнического союза рабочей молодежи начинает развиваться и принимает уже характер массовой работы. Союз активно участвует в кампании по проведению выборов в районные думы: в уличной агитации, в распространении воззваний, литературы и бюллетеней Р. С.-Д. Р. П. (большевиков), делегирует своих представителей в избирательные комиссии для участия в подсчете бюллетеней.

Развивается и внутренняя работа по политическому самообразованию: практикуется коллективное чтение и обсуждение отдельных брошюр и книг, устраиваются собеседования и доклады по вопросам текущего момента (так, например, доклад о международном положении т. А. М. Амосова из железнодорожного райкома большевиков), делаются попытки к постановке докладов собственными силами.

Нужно признать , что на должную высоту эту политико-просветительную работу нам все же поставить не удалось. Она не носила систематического характера,

проводилась урывками и срывалась часто за отсутствием свободного времени у наиболее активных членов союза, заваленных организационной работой. Немного позднее решено было при помощи партийного комитета создать для союза молодежи специальную партийную школу, но Октябрьские события перенесли осуществление этого начинания на более дальный срок.

Преобладание в союзе учащихся заставило комитет обратить главное внимание на налаживание связи с фабриками и заводами и на привлечение в союз рабочей молодежи. Для разрешения этой задачи мы стали на путь практической агитации—агитации делом. Из мероприятий в этом направлении следует отметить организацию школы по ликвидации неграмотности на шелко-прядильной фабрике Щенковых. Группа девушек, членов союза — М. Абрамова, Стогова, Тормазова, С. Шамберг, Тольская — стали по вечерам в столовой при общежитии рабочих обучать грамоте работниц. Школу посещало около 60 работниц, не только подростков, но и пожилых женщин. Отсутствие у наших «педагогов» достаточных знаний и опыта, заранее обрекало на неудачу наше мероприятие в смысле педагогическом, но агитационного значения его, равно, как и воспитательного для самих «учительниц», отрицать не приходится. Девчата получили возможность приложить свои молодые силы к практической, конкретной работе, связаться с массами.

Нельзя обойти молчанием еще одну крупную политическую работу, проделанную нашей организацией. На крупнейшем в то время предприятии района, снарядном заводе Второва, существовал клуб заводской молодежи, находившийся под идейным руководством (именующих себя «беспартийными») культурников, во главе с видной внешкольницей О. Белокопытовой.

Решив отвоевать второвскую молодежь от «беспартийных» политиканов и влить ее в общесоюзную организацию под знамя III Интернационала, мы повели атаку на крепость «беспартийных» культурников. После двух—трех наших выступлений в клубе, организация второвской молодежи, раскусив «аполитичность» и «беспартийность» своих культурных покровителей, вступила в ряды борющегося пролетариата, войдя в состав союза Замоскворецкого района (клуб завода Второва был расположен по ту сторону Масква-реки).

Наступает октябрь. Настроение рабочих масс крепчает, чувствуется приближение решительных боев. Наш союз тоже не спит: проводится энергичная и не безуспешная кампания подготовки демонстрации рабочей молодежи, назначенной на 15 октября. По фабрикам и заводам устраиваются собрания рабочей молодежи, проводимые почти исключительно силами нашей союзной организации. На кружевной фабрике Гивартовского создается небольшая союзная ячейка. В результате Хамовнический район выводит на демонстрацию 15 октября под боевыми лозунгами «Война—войне», и «Вся власть Советам» до 500 человек рабочей молодежи.

К этому же времени, по нашей инициативе, в Дорогомиловском подрайоне создается союзная организация с чисто рабочим составом (Алексей Баринов, Николай Цветков, Митрофан Шломин, Сазанов, Мадяев, Александр Кузнецов, Василий и Сергей Митраковы, Сальников, Никадоров, Михаил Подрябинников, Новиков, Митрошин и др.).

Наступает 26 октября. К вечеру студенческая столовка на Девичке кишмя-кишит. Идет общерайонное партийное собрание большевиков. В порядке дня вопрос о вооруженном свержении власти капиталистов и помещиков. Боевое выступление Питера всеми горячо

приветствуется. Собрание единодушно высказывается за выступление.

А рядом, в соседней небольшой комнате, идет собрание союза молодежи. Настроение у всех приподнятое и углубленно-серьезное. Решается практически вопрос о предстоящем боевом выступлении, мобилизуются все союзные силы. Выбирается боевая тройка в составе т.т. Манина, Голенко и Алексея Тольского.

Тут же составляется боевой отряд в 10 человек; отряд сразу поступает в распоряжение только что избранного Военнореволюционного Комитета, являясь в эту ночь единственной боевой силой, так как в смысле организации и вооружения Красной гвардии наш район вступил в боевые Октябрьские дни совершенно неподготовленным.

Дальше дело пошло лучше. Оружие доставали, разоружая офицеров. На наш отряд немедленно была возложена охрана здания Совета, помещавшегося тогда в маленьком одноэтажном особняке на углу Зубовской улицы и Хамовнического переулка, где временно поместился ревком [1].

Став в первую же минуту на боевом посту, наша организация с честью выполняла свой революционный долг в боевые дни Октября. Беспрерывно, почти в течение восьми суток, в полном своем составе несла она ту или иную работу, идя беспрекословно всюду, где нужны были наши молодые силы. Наши ребята были и в бою, и в разведке, и в санитарных летучках, обслуживали связь, продовольственный пункт в студенческой столовке на Девичке, несли караульную и патрульную службы.

---

[1] От этого исторического памятника революционной борьбы, к сожалению, не осталось и следа: зимой 1920—21 года его разобрали на топливо.

Члены союза дорогомиловцы целиком вошли в боевой отряд, а в дальнейшем составили ядро местной Красной гравдии. Из их рядов Октябрьские бои вырвали две жертвы: первый пал Митрофан Шломин 31 октября при выполнении поручения боевого штаба Дорогомиловского п/района; М. Шломин был послан в Московский Совет за оружием. На обратном пути автомобиль, на котором он вез оружие, на Смоленском рынке попал в руки юнкеров. Юнкера расстреляли т. Шломина. Второй— Сазонов. Он был убит на Малой Дмитровке, когда пробирался в центр города.

Хамовническая молодежь выдвинула также своего боевого героя в лице т. Манинова. В течение всех восьми суток он, не выпуская берданки из рук, всегда находился на самых опасных боевых пунктах. Раненый в шею, он продолжает оставаться в бою. Позже, отправившись в разведку, в одном из дворов на Арбате он наткнулся на юнкерскую засаду, но благодаря своей находчивости и смелости и на этот раз ускользнул из рук юнкеров.

Сын вольных степей Кубани, решительный, смелый, т. Манин не знал колебаний в бою и был непреклонен в борьбе. При первом же известии об образовании фронта с гайдамаками на Украине (декабрь 1917 г., январь 1918 г.) он устремляется туда и с тех пор исчезает бесследно; вероятно, сложил в бою за пролетарскую власть свою юную, смелую голову.

Если в ряды непосредственных бойцов наша организация дала лишь одиночек, то компактная сплоченная группа наших ребят (Н. Стогова, А. Тормозова М. и Е. Абрамовы, М. Тольская, А. и С. Тольские, Гугунава, братья Рожковы, Михаил Шорин, А. Афонин, Сивов) составила основное ядро санитарных летучек и вынесла на своих плечах почти целиком эту работу.

В первый момент, при организации санитарных летучек, в последние записалось довольно много курсисток-медичек и сестер милосердия, и предложения наших девчат были отклонены. Им предложили итти помогать на кухню, от чего они отнюдь не отказались и работали там хорошо.

Но с наступлением боев почти весь квалифицированный медицинский персонал летучек куда-то незаметно исчез и на наших ребят и девчат легла основная тяжесть санитарной работы. В первый же или второй день боя одна из наших летучек подверглась на Пречистенке обстрелу со стороны белогвардейцев, при чем двое санитаров, ткачиха с фабрики Гивартовского, Елена Кузнецова и ее брат, 15-летний ученик технического училища, были ранены: первая в обе ноги, второй — смертельно в живот (умер после нескольких суток мучений).

Вслед за рядами наших бойцов по двум главным линиям боя, Пречистенке и Остоженке, неуклонно продвигались и наши летучки. Группами в 3—4 человека днем и ночью дежурили они посменно (от 4 до 8 часов) частенько под пулями, почти у самой линии боя.

Теперь постараюсь несколькими общими мазками обрисовать обстановку и внутреннее содержание нашей жизни в те памятные дни.

События захватили как нас, так и весь вообще район, если не врасплох, то во всяком случае очень мало подготовленными к кровавой борьбе: нашему району пришлось строиться в боевые ряды уже под обстрелом врага, в непосредственном ходе боя. Учесть сейчас и воспроизвести наше тогдашнее душевное, психологическое состояние довольно трудно. В водовороте неожиданно нахлывнувших событий все переживания, несмотря на свою, подчас, яркость и силу, слились в какой-то

комок, который очень трудно распутать, особенно теперь, через 10 лет, когда память очень многое уже утратила.

Основное ядро активных членов союза за редкими исключениями все эти дни провело в нашем, так сказать, штабе, в помещении студенческой столовой на Девичке, порвав на это время в большинстве всякую связь с домом.

Боевая обстановка тесно сплотила нас, спаяла общностью дела и переживаний: в эти дни мы все жили одним лишь делом, некогда было задумываться, некогда было колебаться, борьба захватила нас целиком. Даже об исходе борьбы, вообще о будущем как-то не думалось, инстинктом чувствовали, что отступления быть не может... и делали свое дело, благо дела было вдоволь. Целые дни и ночи были на ногах за той или другой работой и обычно лишь под утро, на рассвете, обессиленные, сваливались как попало в маленькой комнатенке союза, чтобы через два-три часа быть снова на ногах.

Любопытную картинку представляла тогда эта комнатенка площадью всего каких-нибудь 2—2½ квадратных сажени. Небольшой стол, два-три стула, гора литературы и газет в углу, и на этом миниатюрном пространстве буквально всюду — на столе, на стульях, просто на полу, на книгах и газетах и даже на шкафу, составлявшем одну из стен нашей обители — вповалку спят 7—8 человек девчат и парней, подчас в обнимку с берданкой: Манин, например, не расставался с нею даже и во время сна. Спали «нервно» — чутко. Достаточно было малейшего шума в коридоре или стука в дверь, чтобы все моментально были на ногах.

Так незаметно быстро проходили для нас день за днем. Восприняв происходящее, как неизбежное и должное, и будучи лишь выполнителями определенных заданий, мы спокойно и твердо делали свое дело. Наши

санитары во время ночных дежурств, сидя в своих прикрытиях, в под'езде или в воротах какого-нибудь дома на Пречистенке или Остоженке, коротали время, рассказывая сказки.

И лишь под конец на 6—7 день стал замечаться некоторый надлом в настроении наших ребят, стало в свободные минуты брать раздумье: а что будет дальше? чем все это кончится? не ждет ли нас поражение?.. Стала сказываться и чрезмерная физическая усталость: ходили, как тени, едва держась на ногах.

Последний день боя 2 ноября — был самым тяжелым и критическим днем для нашего района. К середине дня юнкера повели усиленное наступление со стороны Смоленского рынка, где в Смоленском переулке помещалась 5-я школа прапорщиков. К вечеру на Смоленском бульваре, где около Неопалимовского переулка были наши окопы, шла ожесточеная перестрелка: наш отряд в 12 — 15 человек, состоявший из солдат 193 пех. зап. полка и красногвардейцев, едва успевал отстреливаться, непрерывным огнем удерживая наступление врага. Юнкера пытались прорваться через наши позиции на бронированном грузовике, но последний, к нашему счастью, застрял в нашем окопе. В то же время с угловых домов Пречистенки начался обстрел из пулеметов и бомбометов Зубовской улицы и здания Совета. После того, как два снаряда упали в нескольких шагах от здания Совета-ревкома, было решено перевести последний ближе к Хамовническим казармам, где помещался наш боевой штаб, на фабрику Жиро, в квартиру одного из владельцев фабрики. Стали уже перетаскивать в новое помещение оружие и необходимые вещи, как вскоре, часов около восьми вечера, из центра пришел товарищ с известием о победе и с предписанием прекратить бой. Вскоре перестрелка стихла.

И долго в этот вечер в столовке на Девичьем поле раздавались звуки рояля и веселые, победные песни.

Прошли боевые дни, настала пора лихорадочного строительства нового, советского строя. Созывается вторая московская общегородская конференция союза рабочей молодежи «III Интернационал», которая происходила 26 ноября 1917 г. в здании быв. института благородных девиц у Красных ворот. Из вопросов, стоявших в порядке дня конференции, наибольшие споры и разногласия возбуждал вопрос об организации союзом самостоятельных отрядов Красной гвардии из молодежи.

Общее собрание нашей районной организации почти единодушно признало нежелательной и нецелесообразной организацию отдельных отрядов молодежи, и эту линию от лица Хамовнического района мне пришлось отстаивать на конференции. В составе районной делегации на конференции участвовали следующие товарищи: Стогова, Тормозова, Голенко, Пеньков, А. Афонин, Л. К. Федоров, М. Абрамова, А. Тольский, М. и С. Шамбарг, Манин. Вскоре был переизбран районный комитет союза, в новый состав последнего вошли т.т. Пеньков, Голенко, Мицкевич, Стогова, Малиновская, Гугунова, Алексей Дмитриев, Федоров.

После конференции райком намечает работу по обследованию ремесленных и торговых заведений района в целях выяснения условий труда в них подростков и молодежи. Но согласование плана означенного обследования с отделом охраны труда районного совета как-то затянулось, и работа осталась неосуществленной.

Да и организация наша союзная стала хиреть, таять, наступило затишье, а после и полное замирание всей работы. Ребята разбрелись на работу, кто в Совет, кто в районный штаб Красной гвардии, кто (как, например, т. Ковалев) в работу своих фабрично-заводских

организаций, уделяя союзу все меньше времени и внимания. К тому же чисто партийная работа отрывала также от союзной организации ядро наиболее активных товарищей. Кроме того — фронт. Вслед за Мининым на фронт уходят братья Рожковы, Янулевич, Буканов и еще кой-кто из наших ребят. Наступает мертвый период в жизни нашей союзной организации, длившейся почти до осени 1918 г., когда уже в новом составе, с притоком новых, свежих сил возрождается хамовническая организация молодежи.

ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ

С. КРАВЧУК

НА ШТУРМ

Демонстрация 15-го октября

Одним из наиболее ярких моментов в жизни рабочей молодежи и ее революционной организации союза «III Интернационал» в канун Октябрьских событий была юношеская демонстрация 15 октября. Эта демонстрация была как бы революционным крещением рабочей молодежи, экзаменом, который она сдала накануне великого Октябрьского восстания.

Эта демонстрация была направлена не только в сторону интернациональных задач рабочей молодежи, но и в сторону внутренних задач русской революции, ибо в то время наступали решающие события. Этой демонстрацией юношеская часть рабочего класса показала, что она пойдет под руководством большевиков на штурм твердынь капитализма. Я не помню деталей подготовительной работы к демонстрации, которую проводил тогда райком союза, но, во всяком случае, о предполагавшейся демонстрации были широко оповещены все фабрики и заводы. где имелись члены союза и значительное количество молодежи.

Сбор был назначен у Серпуховской площади, на углу Большой Ордынки.

Чтобы охарактеризовать те условия, на фоне которых происходила эта демонстрация, нужно указать, что о ней думала не только рабочая молодежь, но и тогдашние власти — органы Временного правительства. Очевидно, для того, чтобы произвести «соответствующие впечатление», по улицам Москвы дефилировали отряды казаков. Такой отряд я встретил, когда шел по Валовой улице к месту сбора. Казаки медленно проезжали, зорко оглядывая улицу по сторонам. Действительно, на прохожих их появление производило весьма неприятное впечатление. Но на молодежь, которая собиралась на демонстрацию, это обстоятельство производило обратное впечатление — подливало масла в огонь и еще более усиливало революционное настроение.

Демонстрация носила безусловно мирный характер, но всем товарищам, которые могли на этот раз достать револьверы, было предложено явиться вооруженными. Нужно было быть предусмотрительными, ибо по тогдашнему политическому положению мы не были гарантированы, что мирная демонстрация закончится также мирно, как и началась.

К месту сбора товарищи проходили по одиночке, группами или организованно с фабрики и заводов. Трудно вспомнить, сколько,примерно, было участников демонстрации, но, во всяком случае, по сравнению с теперешними демонстрациями наша районная Замоскворецкая колонна казалась бы очень маленькой. Однако, в то время она нам представлялась очень большой, и мы рассматривали ее, как большое достижение. Перед началом демонстрации был устроен митинг. Густая толпа участников занимала часть Серпуховской площади и Большую Ордынку примерно до Замоскворецкого театра (это указывает на то количество молодежи, которая участвовала в демонстрации). Конечно, в то время не

было никаких заранее приготовленных трибун. Достали табуретку или стул, — не помню. На «трибуну» поднялся Тер-Ваганян и произнес горячую речь. Других речей не было. Да в них не было и нужды, ибо каждый «хотел» говорить, каждый «хотел» проявить себя, и наилучшее выражение это находило в массовом шествии по улицам.

Наша демонстрация не была так богата знаменами и плакатами, как теперь, но для того времени их было достаточно. Кроме юношеских лозунгов, посвященных улучшению быта и условий труда рабочей молодежи, международному юношескому дню, среди лозунгов выделялся один, появившийся на улицах впервые после июльских дней: «Вся власть Советам рабочих и солдатских депутатов».

Оркестра у демонстрации не было. Но зато дружное пенье революционных песен во время движения было почти непрерывным. Пели «Марсельезу», «Интернационал», «Красное Знамя» и с особым воодушевлением «Варшавянку», особенно ее припев: «На бой кровавый, святой и правый»...

Демонстрация направлялась по Пятницкой, на Красную площадь. Отношение к ней прохожих было весьма различно: рабочие относились сочувственно, но буржуазная публика встречала нас с негодованием, усмешками и злословием. Однако, это еще более поднимало настроение демонстрантов и сплочивало наши ряды. Наибольшее впечатление произвели две встречи.

Когда мы проходили по Балчугу, нам навстречу по левому тротуару шел офицер, кажется, с погонами прапорщика. Нужно заметить, что в то время отношение офицеров к солдатам и солдат к офицерам было уже весьма недружелюбным. Еще резче классовая рознь проявлялась между рабочими и офицерством. Поэтому, когда

появился офицер, то многие из демонстрантов обратили на него внимание, видя в нем своего врага. Но все были поражены, когда, поровнявшись с демонстрацией, офицер решительно и громко закричал: «Вся власть Советам рабочих и солдатских депутатов». От неожиданности демонстрация на мгновенье замерла. Но сейчас же в ответ вырвалось дружное «ура». И это «ура» было непрерывным, пока наша колонна проходила мимо офицера, шедшего с поднятой к козырьку рукой.

Трудно теперь людям, не пережившим этого момента, представить, какое впечатление мог произвести этот, как-будто незначительный факт. Если бы колонна не двигалась, то все бросились бы к офицеру, чтобы в знак своего единомыслия с ним и искреннего одобрения его поступка поднять его на руках. Для демонстрации это был не просто офицер, это был представитель революционной части старой армии.

В его лице мы видели ту часть армии, которая вместе с рабочими должна была в предстоящих боях пойти на баррикады.

Этот случай получил еще большее значение, когда демонстрация, пройдя Москворецкий мост, поднималась по Москворецкой улице. Встретился еще офицер, кажется, с погонами поручика или подпоручика. После предыдущей встречи мы обратили на него еще большее внимание. А офицер, поравнявшись с демонстрацией, поднял руку к козырьку и закричал: «Да здравствует Временное правительство».

Как-будто электрический ток прошел по демонстрации. Колонна вспыхнула в гневном «долой». Каждый старался это уничтожающее «долой» кричать как можно громче. А офицер, виновато улыбаясь, гордой походкой проходил по тротуару. Решительное «долой»

сменилось лозунгом: «Вся власть Советам рабочих и солдатских депутатов».

Мы уже приближались к Красной площади, к конечному пункту нашего пути. Но, что было на площади, мы не знали и опасались за возможность какой-либо неожиданной встречи... Поэтому несколько товарищей, в том числе пишущий эти строки, Никифоров и еще кто-то, сейчас не помню, отделились и быстро пошли вперед «на разведку».

На площади все было спокойно.

На Красной площади нас встретил представитель московского комитета, который указал место для нашей колонны. Мы вернулись к демонстрации, поднимавшейся замедленным шагом, и провели ее на указанное место. Это было недалеко от памятника Минину и Пожарскому, где мы расположились несколькими рядами параллельно Верхним торговым рядам. Едва мы только установились, как между храмом Василия Блаженного и Кремлевской стеной показался поднимавшийся с набережной грузовой автомобиль, на котором стояла группа людей. Когда автомобиль поравнялся со Спасской башней, раздались выстрелы. Несколько человек из нас, имевших при себе оружие, бросились по направлению к автомобилю. Небольшая часть демонстрантов, пораженная неожиданностью, шарахнулась к Рядам, но было достаточно нескольких слов, чтобы восстановить порядок. Вскоре мы, бежавшие к автомобилю, заметили, что люди, ехавшие в нем, не были вооружены; выстрелы же оказались не выстрелами, а вспышками мотора. В дальнейшем никаких инцидентов не произошло.

Общемосковская демонстрация прошла на Советскую (тогда Скобелевскую) площадь и оттуда организованным порядком разошлась по районам.

Октябрь

Революционный экзамен, который рабочая молодежь сдала 15 октября, вполне подготовил ее к великим октябрьским событиям, в которых она, не колеблясь, заняла свое место в общей цепи восставших рабочих. Там, где были взрослые товарищи, там была и молодежь, которая наравне с ними выполняла различные революционные обязанности, от самых мелких до самых ответственных, отличаясь свойственной ей самоотверженностью. И готовилась к вооруженному восстанию молодежь вместе со взрослыми рабочими, входя на равных правах в красногвардейские отряды, так как союз «III Интернационал» самостоятельных боевых единиц не имел. При штабе Красной гвардии Замрайона в столовке [1] на Малой Серпуховской, 28, где тогда помещались также райком партии и, вначале, райком союза, с самого начала организации гвардии шло обучение. Эти занятия производились по вечерам в больших комнатах столовки и обычно при закрытых ставнях: от глаз «любопытных». Иногда после заседаний весь райком союза в полном составе, не исключая входивших в него девушек, спускался сверху из своего помещения в эти комнаты и брался за винтовку.

К сожалению, мы не вели никакой подготовительной работы по обучению молодежи санитарному делу: а в этом оказалась особая необходимость, ибо при самом начале восстания на райком союза была возложена организация санитарных отрядов.

---

[1] Столовкой называлась столовая студентов Московского коммерческого института, обслуживавшая также рабочих близлежащих фабрик и заводов, которая еще до февральской революции была подпольным революционным центром Замоскворечья.

(В те дни райком союза помещался уже не в столовке, которая была занята под редакцию тогдашнего московского органа нашей партии «Социал-Демократ», а был переведен на Калужскую площадь[1], где тогда помещался боевой штаб района и Революционный Комитет).

В комнате союза каждый день собиралась масса молодежи как членов, так и не-членов союза, как девушек, так и парней. Все они горели желанием хоть чем-нибудь помочь, принести какую-нибудь пользу. Желающих было очень много, и в комнате союза была постоянная толкучка: товарищи, получившие назначение, уходили, но на их место приходили другие.

Здесь нужно отметить один эпизод. В то время в Москве существовал еще социалистический союз молодежи — меньшевиствующий. Кадры его были невелики, они в основном ограничивались учащейся молодежью и едва касались фабрик и заводов (правда, к нему примыкала небольшая группа молодых сытинских печатников). Районный центр этого союза находился в том же помещении, почти рядом с комнатой союза «III Интернационал». Вечером в день восстания, когда Замоскворечье уже было отрезано от центра, этот союз решал, как ему быть, что делать. Заседание длилось у них довольно долго. О чем они там говорили, нам не было известно, и мы с интересом ждали их решений. Наконец, очевидно, после долгих колебаний, они прислали в нашу комнату своих представителей и сообщили, что они решили принять участие в организации санитарных отрядов и таким образом стать с нами на одну сторону баррикад. Это решение мы приняли с удовлетворением, но не без некоторого недоверия. Однако, их было немного, и

[1] Здание, где теперь находится Замоскворецкая районная страхкасса.

большого вреда они не могли бы принести; поэтому они получили назначение наравне с теми, кто толпился в комнате нашего союза.

Организация санитарных отрядов была очень примитивной: составлялась группа из трех товарищей, они снабжались несколькими индивидуальными пакетами, марлей, ватой и иодом; записывались их фамилии, и они направлялись в определенный участок. В Замоскворечьи не было ни одного пункта без такого санотряда. Сначала формирование отрядов происходило в помещении штаба, но потом, с момента организации центрального санитарного пункта на Серпуховской площади в кафе «Франция», эта работа была перенесена сюда. Здесь товарищи снабжались, отсюда направлялись на участки, с этим пунктом они должны были держать связь, и отсюда они получали смену. Особых инструкций санитарным отрядам не давалось. Самое главное, что они должны были сделать, это постараться возможно быстрее доставить раненых на санитарный пункт.

Об отношении товарищей к своей работе может рассказать следующий случай: автор этих строк с одним из товарищей, кажется, Катей Кармановой, отправился в некоторые участки проверить наличие посланных туда отрядов. Когда мы подходили к Малому Краснохолмскому мосту, вдруг, недалеко от моста раздался выстрел (причины этого выстрела остались для нас невыясненными). На этот выстрел со всех сторон бежали санитары. Это показывает, что наши санитары не трусили, а, узнав об опасности, бросались туда, где могла понадобиться их помощь.

Мы проверили многие пункты, и везде товарищи оказались на месте.

Возможно, теперь многим покажется странным, что у нас санитарные отряды находились не только на наших

определенных фронтах или действительных боевых участках, но были разбросаны по всему Замоскворечью. Однако, тогда это вызывалось безусловной необходимостью, ибо мы имели не только боевые участки, которыми являлись мосты и Остоженка с Пречистенкой, но стрельба была везде, и повсюду могли быть жертвы. Стреляли из-за углов, из окон домов, враги обстреливали наши патрули или просто участки улиц, чтобы сделать невозможным по ним передвижение. Идя ночью по улице, — а улицы не освещались, — можно было очень часто слышать выстрелы то с одной, то с другой стороны, ощущать свист пуль или острый визг трамвайного провода, разрывающегося от попавшей в него пули.

На ряду с санитарной службой некоторые наши товарищи несли службу связи и информации. Иногда это совмещалось с внешним санитарным обликом, а иногда товарищи занимались этим специально. Правда, тогда всякий, кто сочувствовал восстанию, если узнавал о чем-либо, по его мнению, серьезном, спешил сообщить об этом в штаб. Но все же информация не всегда находилась на должной высоте. В попыхах сообщались недостаточно проверенные или просто неверные сведения. Например, было получено сообщение, что на фабрике Брокар произошла перестрелка и есть раненые. Я с двумя товарищами на автомобиле поехал туда, по приезде же выяснилось, что все спокойно и никаких раненых нет. Как пример неправильной информации, можно привести еще следующий эпизод: в первую ночь восстания, когда я сидел в комнате ревкома, где мне было поручено записывать его постановления, допросы и информацию, вдруг поступили сведения, что едут казаки; при этом одни говорили, что они едут по Б. Серпуховской, другие — по Пятницкой, а третьи — по Б. Полянке. Были приняты меры к проверке этих сведений. Безрезультатно.

Поступили вновь сведения, что казаки на Серпуховской площади. Спустя некоторое время, кто-то вбежал в комнату ревкома и крикнул: «Казаки!» Все бросились с оружием к окнам, выходившим на Коровий вал: где-то было разбито стекло. Произошел большой переполох. В результате же оказалось, что это проехал небольшой отряд конной милиции, и тревога была напрасной.

Некоторые товарищи из молодежи выполняли также работу и разведческого характера. Здесь мне хочется рассказать следующий случай. Мне, Саше Левину (активный работник союза, погибший в гражданскую войну на южном фронте) и одной работнице (фамилию ее не помню) было поручено проникнуть на Знаменку, зайти в тыл юнкеров и постараться выяснить, чем они располагают. Мы отправились кратчайшим путем по Б. Полянке, имея красные кресты на рукавах, чтобы ими облегчить выполнение своей задачи. Недалеко от Малого Каменного моста, на правой стороне улицы встретили группу любопытных, они сообщили нам, что перейти через мост очень опасно, ибо он все время находится под обстрелом и что несколько минут назад на углу Полянки и Набережной был убит мальчик, который выбежал... посмотреть. Мы все же решились рискнуть: тронулись дальше, подходя к мосту пригнулись и быстро перебежали. По правой стороне улицы после Болота во впадинах ворот ютились отдельные фигуры наших солдат. Дома по левой стороне были изрешетены пулями, которые залетали сюда благодаря обстрелу Б. Каменного моста и наших окопов со стороны Кремля. Мы подошли к окопам. Удерживало окопы несколько солдат. Они нам сказали, что необходимо подкрепление, так как усилился обстрел со стороны Кремля и с противоположной стороны моста заметно какое-то движение; возможно, что юнкера готовятся к выступлению и могут сделать вылазку, а если

будет вылазка, то они не смогут ее отбить. Тут же от солдат мы узнали, что на набережной лежит уже несколько времени раненый человек и его никто не подбирает, хотя они и сообщали об этом в военный лазарет (около электрической трамвайной станции). Мы все-таки вначале сделали попытку подняться на мост, чтобы закончить разведку, но обстрел заставил нас вернуться к окопам. После этого втроем побежали к раненому. Это был довольно молодой рабочий. Он лежал вниз головой, уткнувшись в лужу крови. Когда мы его поднимали, он очнулся и застонал. Висок и глаз у него были залиты кровью. Взяв раненого на руки, мы подошли к воротам дома, перед которым он лежал. Они оказались запертыми. На наш стук не последовало никакого ответа и мы не уловили никакого движения за воротами. Понесли быстро дальше, в надежде найти какой-нибудь другой проход. Приходилось торопиться, стрельба все усиливалась. Не найдя никакого прохода, мы понесли раненого обратно, думая, в крайнем случае, вынести его за угол улицы или в окопы. Пробегая мимо дома, в ворота которого мы стучались, мы заметили в окнах робко выглядывавших людей. Они не могли не видеть раненого, лежавшего перед окнами на тротуаре, но не оказали ему никакой помощи. Мы стали им кричать и показывать, чтобы они открыли ворота, после этого побежали к воротам и принялись барабанить сызнова. Минуты ожидания нам казались вечностью. Наконец, звук шагов, неторопливое отпирание замка, скрип ворот, — и мы в безопасности за металлической броней ворот. На этом маленьком дворе никого не было. Для того, чтобы выйти на улицу и отнести раненого в лазарет, нам нужно было пройти через соседний двор. Каково же было наше удивление, когда, войдя на этот двор, мы увидели там массу повозок Красного Креста: сестер милосердия и санитаров. Одна сестра,

увидев раненого, бросилась к нему навстречу, во главе двух санитаров, несших носилки, высоко поднимая белый флаг с красным крестом. Смешно было смотреть на нее, старающуюся поднять свой флаг возможно выше. Видимо, она находилась в таком страхе, что не сознавала, что находилась в безопасности. Мы положили раненого на носилки, и санитары понесли его в лазарет. Сами же побежали в штаб, чтобы сообщить о необходимости высылки на участок подкрепления.

Участие рабочей молодежи в восстании не ограничивалось санитарным делом, службой связи и разведками, она участвовала в боях почти на всех замоскворецких участках. Находясь в боевой обстановке, молодежь отличалась большой выносливостью и отвагой, граничащей с геройством. На Остоженке, в наиболее опасном и ответственном участке Замоскворечья, сражавшихся там молодых парней трудно было уложить хотя бы на кратковременный отдых или преждевременно снять с постов. Если на посты своевременно не посылалась смена, ребята совершенно безропотно находились на них до тех пор, пока это было нужно. Голодные, посиневшие от холода и сырости, эти ребята могли бесконечно быть в окопах, не пред'являя никаких требований и загораясь радостью при получении лишней обоймы патронов, которой они могли увеличить порцию пуль, посылаемых юнкерам.

К сожалению, большинство этих молодых героев остались безименными.

П. ДЕЛЮСИН

НА ВСЕ СТО

1. Первые шаги

Летом 1917 года я приехал из Питера в Москву и устроился работать на фабрике Цинделя.

Политическая борьба на фабрике, где на ряду с большевиками ютились и меньшевички, и одиночки-анархисты, захватила меня целиком. Митинги, собрания на улице, в закарме, в спальне,—всюду надо было побывать, сунуть свой нос, а иногда и свое словечко — этакое робкое, сначала, вставить. Везде и всюду только и слышалось: большевики, меньшевики, кадеты, буржуазия, рабочий класс и т. д. За станком, за обедом беспрерывные споры, и мы, молодежь, тут, как тут. Тоже ведь хотелось свои мысли выложить, а если противник слаб, то и насесть на него, заставить «винта нарезать».

На собраниях мы всегда были поближе к трибуне, к оратору, слушали и полные огня, решительности речи большевиков, и уговаривающие — «нельзя этого, нельзя того», «подождите — рано» и т. д. — меньшевиков. Все впитывали в себя, как губки. Сначала больше нутром чувствовали мы правоту большевиков, а затем и разбираться стали во всех тонкостях их политики и сделались активными помощниками партии. Конечно, нельзя сказать, что вся молодежь в то время была втянута в политическую борьбу: сначала лишь маленькая группа (будущее ядро союза) крутилась около

партийной ячейки. Партийная ячейка охотно давала нам различные поручения: распространение листовок, воззваний, участие в районных митингах и т. д.

2. Организуемся

Еще по приезде из Питера у меня возникла мысль об организации молодежи. Как-то за работой я рассказал ребятам, что в Питере существуют молодежные организации и что нам не мешало бы создать у себя на фабрике такую же организацию, об'единить в нее всю молодежь. Мысль понравилась всем, но все мы еще смутно представляли: а что же эта организация будет делать? Решили поговорить с партийцами. Те посоветовали сходить в райком. Пошли мы с Пищеревым в райком и попали как-раз на собрание не то комитета молодежи, не то совещания какого, где Тер-Ваганян подробно рассказывал, как молодежь должна организоваться, что ей надо делать, упомянул, насколько мне помнится, о том, что юношеские организации давно существуют за границей и проводят очень большую работу. На другой день мы прямо в партийную ячейку: «хотим организовать союз молодежи».

Ячейка выделила нам члена Бюро т. Короткова. Вечером опять пошли в райком. Тер-Ваганян подробно рассказал нам обо всем.

На следующий день собрали всю фабричную молодежь: пришло несколько сот человек. Такого количества мы никак не ожидали и сразу же растерялись: «что же мы с ними будем делать?»

После доклада т. Короткова мы с Пищеревым добавили все, что узнали от Тера, и тут же, после собрания, провели запись в союз. Выбранной на собрании тройке поручили провести собрания молодежи по отделам фабрики и повести агитацию за организацию союза. Нужно

сказать, что на эти собрания молодежь валом валила и везде единогласно принимала постановления о записи в организацию. За несколько дней в союз записалось сотни три-четыре человек. Не зная, как организационно оформить все это дело, мы решили разбить всех союзников по десяткам и в каждом десятке выбрать десятского. Эти десятские должны были регулярно собираться, разрешать все текущие вопросы, а затем докладывать о решениях своему десятку. Так и сделали.

На собраниях десятских вопросы обсуждались примерно такого порядка: какие кружки организовать, где достать руководителей и т. п. Была у нас, кроме того, большая мечта: достать книг и свою библиотеку организовать. Мечта скоро начала осуществляться. Прослышали мы, что на Моховой (где сейчас помещается Исполком Коминтерна) какие-то студенты литературу продают. Пошли. Верно — есть. Пораспросили, посмотрели, прицененились. Дороговато, но делать нечего: уж больно литература понравилась — все толстые такие книги, да с такими мудреными названиями — не выговоришь, не то, что Пинкертон измызганный да Шерлок Холмс. Попросили мы студента обождать несколько дней — другим не продавать. За эти несколько дней устроили спектакль в своем фабричном театре и на вырученные деньги приобрели «библиотеку». Радости нашей не было конца: всякий на ощупь оценивал ту или иную книгу (больше все на толщину обращали внимание), ласково трепал ее по истертым бокам.

Так у нас создалась своя собственная библиотека. Мы и печать свою заимели и все книги припечатали, стараясь заклеймить ею как можно больше страниц.

Большим вопросом для нас являлся вопрос о руководстве ячейкой. Мы ясно сознавали, что собранием десятских, — а их уже было больше пятидесяти, — ни одного

вопроса как следует не решишь. Надо было создать какой-то орган, который намечал бы вопросы, прорабатывал бы их, а потом уж вносил на обсуждение. Долго спорили и, наконец, решили, что надо из состава десятских выбрать группу ребят.

Такая группа — бюро — была создана из 5 человек. Оно являлось уже руководящим органом ячейки; созывало собрания, устраивало совещания десятских, ходило в райком. Бюро впервые поставило вопрос о представительстве в фабкоме для защиты интересов молодежи. Обсудили мы вопрос обстоятельно и приняли единогласно.

Наш представитель (Пищерев) водворился в фабкоме за отдельным столом.

С райкомом у нас была связь самая тесная, ибо существовало представительство от нашей ячейки (я и Пищерев).Райком был не похож, собственно, на райком нашего времени, это была просто группа работающих на местах ребят. Работа двигалась просто: ребята приходили в райком, выкладывали все, что у них было, что они проделали, тут же они получали зарядку на дальнейшее (от Тера и других) и опять шли на фабрики для немедленного проведения намеченных задач в жизнь.

Чуть-чуть помню об уставе союза. Тер его писал, Тер его предлагал. Мы все, конечно, полагали, что какая-то инструкция или что-то в роде каких-то правил должно быть. Тер представил в одно из собраний устав на обсуждение, и после некоторых дополнений и изменений устав был принят.

Большие дела шли своим чередом. В ячейке партии уже обсуждались вопросы подготовки к Октябрю. Чуть ли не ежедневно происходила зарядка рабочих. Споры с меньшевиками становились все острее. «Руки чесались»: большевистская зарядка требовала выхода. Ча-

стенько к нам заходили партийцы и подолгу беседовали, разрешая наши недоуменные вопросы, — а их было много, — сдерживая нашу удаль молодежную, направляя на практическу работу — в помощь партийной ячейке. Помню один из многих эпизодов практической помощи партии. Нужен был порох. Потихоньку говорили: «бомбы начинять». «Ну что ж, бомбы, так бомбы,— дело неплохое». Я работал в гильзовой мастерской. В гильзах от снарядов нередко попадались мешочки с порохом, и вот эти мешочки и надо было украдкой таскать из мастерской. К себе в помощь я приспособил трех-четырех парней. На их обязанности лежала разгрузка от мешочков гильз и нагрузка ими карманов моего пальто, я же (обычно это мы проделывали в ночную смену) должен был незаметно улизнуть из мастерской, также незаметно пройти мимо сторожа, доставить порох на квартиру и вернуться обратно, как ни в чем не бывало. С квартиры «начинку» уносил т. Пече в неизвестном для нас направлении. Такую операцию проделывали мы систематически, но в конце-концов завалились. Однажды, нагруженный порохом «до отказа», я попался сторожу и должен был вместе с ним пропутешествовать до конторы. Там усердно допытывались:

— Для чего же, собственно, тебе понадобился такой продукт?

Не допытавшись, решили уволить. Фабком у нас в ту пору был большевистский и меня отстояли: «Ради, мол, своего собственного интересу ребятишки воруют — баловством занимаются». Оставили.

Мы с ребятами стали осторожнее, но контрабанду не прекратили.

3. Юношеская демонстрация

Не помню точно какого числа мы получили бумажку, напечатанную на машинке. Оказалось—воззвание

Интернационального Бюро социалистического юношества Запада. Буря восторгов: значит, мы не одни, значит, и на Западе знают о нас и хотят с нами связаться. К воззванию была приложена сопроводительная о том, что 15 октября 1917 г. назначается демонстрация молодежи. Сейчас же собрали десятских, зачитали, обсудили, как лучше организовать демонстрацию. Собрали сначала собрания по цехам, потом общее собрание. Вызвали докладчика из района. Долго думали, какие лозунги написать на знаменах, посоветовались с парт'ячейкой, составили, написали и в день демонстрации вывели всю рабочую молодежь, примерно около восьмисот человек, на улицу. Партийцы дали нам своих ребят — «на всякий случай».

Дорогой всякая сволочь старалась задеть нас, пуская издевательства. Злоба кипела, хотелось лезть в драку. Но надо было сдерживаться. Отругиваясь, еще сильнее и громче пели «Вихри враждебные» и «Смело, товарищи, в ногу».

На Советской площади послушали ораторов, приняли резолюцию: «Власть — советам». Домой пошли с полным сознанием и решительностью бороться.

4. Социалистический союз молодежи

Нам не только приходилось организовывать рабочую молодежь, вести с ней политическую работу, но и не упускать из вида нашего, хотя и слабого противника — социалистического союза молодежи (был и такой у нас в Замоскворечьи). Об'единил он молодежь всех мастей и оттенков. Каково было его настоящее лицо — трудно понять. Там были именующие себя и меньшевиками, и анархистами, и эсерами, и просто юнцы из гимназистов и гимназисток, которые были за революцию, потому что «экзаменов можно не сдавать», «папирос кури

сколько хочешь». Нельзя сказать, чтобы они пользовались успехом у рабочей молодежи. Их попытки как-нибудь связаться с рабочей молодежью терпели безнадежный крах. Главной базой С.-С. молодежи была только типография Сытина и отчасти фабрика Шредер. На других фабриках они никакого влияния не имели. Но все же они пытались каким-либо путем молодежь привлечь. На заводе Густава Листа, например, они на собрании молодежи обещали по полтине на уплату членских взносов. Но и это не помогло. Не особенно прельщало. Да и сама обстановка в их райкоме, с «глубокомысленными» спорами, отталкивала рабочую молодежь. Были, конечно, одиночки, за которыми они тщательно ухаживали, оберегая от разлагающего влияния нашего союза, но и эти одиночки, побывав у них короткое время и увидев, что к ним относятся не как к равным, а стараются поучать, удирали.

Райком социал-союза помещался на Калужской площади в ресторане быв. Полякова. Вскоре мы тоже перебрались туда. Для них такое сожительство было не из приятных; обычные перебранки, маленькие стычки происходили ежедневно. Их идеолог Еремеев, кажется, сначала делал попытку «научно» доказать свою правоту, но видя, что это только вредит и разлагает его собственные ряды, бросил и споров после всячески избегал. В райком социалистического союза ходила почти одна и та же публика. Больше всего учащиеся. И чем ближе к Октябрю, тем меньше они представляли для нас интереса. Толковали мы уже с ними больше от нечего делать: они хорохорятся, а нам весело.

5. Октябрь

Октябрь приближался. Мы спешно получали указания, что делать, и подготавливали молодежь. На

фабриках работа разворачивалась на все сто. Начала организовываться Красная гвардия. В наш фабричный отряд вошли весь актив союза и порядочное количество молодежи, увеличившееся еще больше в дни Октября. Ребята все были на подбор: с ними куда хочешь — не выдадут. Гвардия была разбита на десятки во главе с десятскими. Нужно было обучаться. Как, с чем? Винтовок не было. Лишь кой у кого имелись револьверы, но каждый понимал, что этого мало. Да и что, собственно, за оружие — револьвер. Молодежи, конечно, хоть бы и это иметь: с завистью глядели они на владельца какого-нибудь заржавленного пистолета: щупали, щелкали. Все ходили с мыслями, где бы достать... Думали, мерекали, но в результате ни винтовки, ни другого огнестрельного не достали. Кое-кто из ребят смастерил себе кинжалы, — все не с голыми руками. Обучаться приходилось на револьвере (я лично с грехом пополам умел с ним обращаться.) И вот, сидя вечерами в фабкоме, где помещался и штаб Красной гвардии, я, как «сведующий» человек и тем более имеющий свой собственный револьвер системы Кольт, обучал ребят. Дело, конечно, не обходилось без казусов. Как-то вечером, показывая, как заряжается Кольт, я забыл вынуть коробку и, как полагается, выстрелил. Пуля тюкнула по железному грифленому потолку, рикошетом вырвала кусок оконного косяка и разодрала рукав у сидевшей на подоконнике девушки. Начальник отряда немедленно мой револьвер забрал, предварительно как следует выругав (револьвер я все же получил обратно.)

Так, изо дня в день, как могли и как умели, мы готовились к Октябрю. Распоряжение о выступлении получили мы вечером. Немедленно дали гудок, собрали рабочих. Короткий митинг, и через некоторое время красногвардейцы десяток за десятком отправлялись

в штаб на Калужскую. Часть молодежи была оставлена при фабрике для охраны. На все важнейшие места были расставлены караулы.

Со стороны Симоновки уже началась перестрелка. Сейчас же, во главе с партийцем Коротковым был организован из молодежи патруль, который всю ночь циркулировал вокруг территории фабрики и всякого, пытавшегося пройти через Симоновский мост, задерживали.

Девушки все были направлены в санитарный отряд, местопребывание которого было на Серпуховской площади в быв. ресторане «Франция».

По совести нужно сказать, ребята и девчата действовали «на-ять». Ребята, за исключением тех, кто остался при фабрике, все побывали в боях, в караулах, на ответственных местах, все внесли свою маленькую частичку в большее дело Октября.

После победы, собравшись в клубе, мы закатили хорошую товарищескую вечеринку, вдоволь повеселились, а на другой день опять за дело.

СОКОЛЬНИКИ

М. ГРАЧЕВА

СТРАДНЫЕ ДНИ

На другой день после Октябрьских боев мы перешли в штаб городского района, который помещался у Сухаревки в трактире Романова. Там я встретила т. Бабинского, делегированного МК, и т. Варенцову, представительницу военной организации при МК. Этот, обычно мягкий товарищ, с необыкновенно лучистыми глазами, теперь смотрел холодно и строго.

Тут был также т. Никитин. Держал он себя как-то робко. Все время надоедал солдатам, которые должны были захватить телефонную станцию, своими напоминаниями, что станция — чудо научной техники, что другого такого сооружения нет во всем мире и что поэтому, во что бы то ни стало, нужно ее сохранить во время боя. Было так нелепо вести подобные рассуждения с солдатами, идущими в бой, что уж и не знаю, как они не поколотили его.

Помню еще т. Петрова — высокого с курчавой, всклокоченой головой. Он был начальником Красной гвардии городского района и входил в боевую военную тройку, состоявшую из него, Бабинского и Варенцовой, О. А. Тов. Петров заведывал выдачей оружия красногвардейцам и распределением сил. Тут же суетилась и т. Ася, выдавая выходящим из штаба пропуска. Почти бессменно она была на этом месте.

Кроме того, здесь находились два прапорщика, приведеные солдатами из Спасских казарм в качестве спецов.

Один уже немолодой, брюнет, щупленький, с лицом «себе на уме», а другой совсем еще мальчик, розовый с ярко-красными губами и детски-добродушным лицом.

Через штаб прошло столько народа, что теперь уже трудно вспомнить всех. Запомнился еще т. Эйгин из Мызы-Раево, который все время сокрушался, что ему ни разу не пришлось пальнуть из какого-то тяжелого орудия. Эту пушку удалось добыть с большим трудом. Ее долго и с любовью устанавливали, но выпалить из нее не пришлось, так как юнкера начали, как тараканы, вылезать из помещения телефонной станции, переодевшись в платья телефонисток. Одного такого переодетого юнкера-армянина привели к нам в штаб. Он стоял в какой-то нелепой светлой юбке и, покрытый платком, трусливо озирался и ревел басом. Его допрашивала Ольга Афанасьевна Варенцова, а прапорщик Бонар с презрением говорил ему: «Мне вот вчера колючей проволокой нос повредили, — и то ничего. А вы, как баба, ревете».

Один солдат дал пленному закурить. Тогда юнкер немного оправился и сознался, что он плачет от страха: ему рассказывали, что как к большевикам попадешь, сейчас же уши и нос отрежут.

Остался в памяти еще один случай.

У нас заведывал разведкой студент-техник (фамилии его не помню). Один раз, когда я и Елена вышли в коридор, мы увидели, что он стоит, прислонившись к перилам, между двумя солдатами. Не догадываясь в чем дело, Елена заговорила с ним. Солдат сурово прервал ее:

— Нельзя разговаривать с арестованным.

Оказалось, что солдаты заметили, как студент что-то сунул в автомобиль, отправлявшийся в центр.

Студента накрыли и выяснилось, что это была записка к белым.

Некоторые из солдат тут же вспомнили, как этот студент выступал на митинге против большевиков.

* * *

Т. Бабинский, отличавшийся мягкостью и вежливостью и какой-то аккуратностью даже в эти дни, когда много ночей под ряд приходилось не спать, был неизменно франтоват, в своем обычном сером костюме в воротничке и галстуке. Подолгу сидел с Ольгой Афанасьевной, не разгибаясь, над картой Москвы, отрываясь лишь для распоряжений. Беспрерывно поддерживалась связь с центром; велась разведка; нужно было распределить новые боевые силы и т. д. — и все это успевал сделать т. Бабинский.

Под ряд несколько ночей люди не спали ни минуты, но усталости не чувствовали. Казалось, будто так было всегда. Приходили и уходили солдаты с торжественными лицами. По временам появлялась откуда-то «Мария», наскоро передавала вести из центра и уходила опять неизвестно куда.

Появлялся «Орилия» с листовками и бюллетенями и опять уезжал.

* * *

Приезжал т. Усиевич. С ним входила струя чего-то светлого, бодрящего даже в самые тяжелые минуты.

Помню, как-то раз меня послали с поручением в Совет к т. Аросеву.

День был солнечный, но улицы были пусты. Люди жались к стенам домов, укрывались по дворам, в под'ездах, за выступами углов.

Выскакивали откуда-то солдаты, останавливали автомобиль, поспешно спрашивали пароль и опять скрывались.

В Совете я поразилась переменой, происшедшей в товарищах. У мужчин отросли бороды, у всех воспаленные глаза, землистые лица. Видно, что дошли до крайнего предела усталости.

Т. Аросев сидел в каком-то оцепенении, и мне с трудом удалось передать ему поручение. Там же я услышала, что скоро мы перейдем на партизанскую войну и что откуда-то идут казаки.

Когда я вышла из Совета и села в автомобиль, солдаты заряжали пушку.

Т. Эйгин, сопровождавший меня, посоветовал мне при выстреле открыть рот, чтобы не оглохнуть.

Мы быстро поехали обратно тем же путем. Тихо подкатили к штабу Городского района. И только тут я заметила, что все время сидела с разинутым ртом.

Стало смешно.

Т. Эйгин, улыбаясь, рассказал мне, что мы ехали под обстрелом и что он не сказал этого нарочно. Мне стал понятен странный шум, тихий визг и легкий звон стекол на улицах, когда мы ехали.

В штабе района мое донесение выслушали, и как-будто на мгновение всем стало жутко. Ольга Афанасьевна сказала:

— Сколько мы не посылаем подкреплений, все мало. Ну что ж! На партизанскую, так на партизанскую, — встрепенулась она, и опять они засели с Бабинским за огромную карту.

Вечером приехал т. Подбельский и сообщил, что наши взяли почтамт и телеграф и что нужны люди, чтобы заменить служащих.

Выяснилось, что казаки приехали, действительно, но, узнав в чем дело, стали на нашу сторону. Отовсюду шли вести, что мы побеждаем.

Сообщили о взятии телефонной станции. Ольга Афанасьевна засияла добродушно, а Бабинский приосанился, засуетился и все покушался издать какой-то приказ.

Появились неизвестно откуда какие-то офицеры и наперерыв стали уверять Ольгу Афанасьевну в том, что они тоже были в наших рядах, наперебой давали всевозможные советы, от которых т. Варенцова только руками отмахивалась.

Вот взяли уже Лубянку и Мясницкую. В штаб стали приводить солдат с вещами, взятыми из магазинов, както: часы, кольца, оружие и т. д. Вещи отбирали, а солдат отправляли под арест. Партийные товарищи и сами солдаты зорко следили, чтобы эти явления не вылились в грабеж и мародерство.

По этому поводу прапорщики наши снисходительно улыбались и доказывали Ольге Афанасьевне и Бабинскому, что это «законная военная добыча», что на войне так и полагается. Один прапор все приставал, чтобы ему разрешили взять на память кавказский кинжал, отобранный у солдата. При этом он ставил себе в большую заслугу, что он, как офицер, имеет право взять себе любую вещь, но он этого не делает, а просит подарить ему только этот кинжал.

Т. Варенцова только плечами пожимала на такие доводы.

Но вот пришли вести, что белые сдаются.

Центр заключает мир. Офицеры подхватили Бабинского и поехали осматривать позиции. Бабинский где-то свалился и заснул.

Приехали офицеры, и один перед другим стали предлагать Ольге Афанасьевне разные явства и пития, взятые из гастрономических магазинов, и с ужасом и негодованием рассказывали, что солдаты руками едят зернистую икру, балык, ветчину и набивают себе карманы шоколадом. Отказываясь от угощения, О. А. добродушно заметила:

— Ну что ж, пускай полакомятся.

Офицеры пожимали плечами и отходили прочь.

Итак, все утихло. Мир был заключен. Но не один только т. Эйгин, все еще сожалевший, что не пришлось пальнуть из пушки, был недоволен миром, — большинство солдат холодно отнеслись к этому.

— Нужно было уничтожить всех их поголовно, — говорили они.

БАСМАННЫЙ РАЙОН

СЕДОВ

СТОЙКИЕ РЕБЯТА

В августе 1917 года я приехал с фронта в Москву. Приехав, встретил знакомых товарищей — многие из из них уже состояли в союзе рабочей молодежи, который организовался в Лефортове, по их словам, 8 августа 1917 г. Ребята повели меня в клуб, помещавшийся на Преображенской площади в чайной. Мы попали как-раз на собрание. Мне понравилось это собрание — здесь была рабочая молодежь, которая так же, как и я, неодобрительно относилась к учащейся молодежи, кокарды которых нам всем были ненавистны.

Через два дня я вступил в организацию, узнав уже о ней все от организатора союза Лапина. Через некоторое время происходили перевыборы райкома, и я попал в новый состав его. Это было в начале октября.

В тот же день на заседании райкома обсуждался вопрос о подготовке к грядущей революции. Был еще ряд мелких вопросов как-то: о методах клубной работы, устройстве коллективных читок и т. д. Надо сказать, что наша молодежь политически была развита слабо. Наиболее сильными было несколько человек: Чумаков, Лапин, Минаев, Скворцов.

На этом же заседании мы выбрали делегацию на 1-ю общегородскую конференцию.

8 октября я вместе с другими товарищами отправился на конференцию. Происходила она, если не ошибаюсь, в царском павильоне Николаевского (теперь Октябрьского) вокзала.

Большое место на конференции занял вопрос о проведении праздника молодежи — международного юношеского дня. Кстати сказать, эта конференция еще раз подчеркнула политическую неподготовленность молодежи. На конференции произошла заминка. Дело в том, что т. Лапин (он был член райкома партии) поставил вопрос о характере международного юношеского дня. Поставил вопрос прямо: «должна ли молодежь выходить на улицу с определенным, четким лозунгом — «Вся власть советам»? Краснопресненский райком был на нашей стороне. Представители Пресни поставили вопрос также твердо: о написании таких знамен, о выходе на улицу с тем, чтобы демонстрировать свою солидарность партии большевиков. Противники этого говорили, что нельзя сразу так ставить вопрос, так как по всей Москве наберем 200—300 человек, а этого будет очень мало. Такое мнение, в частности, выявлял Шацкин. Мы с этим не сошлись (3 района, кажется) и с пением «Варшавянки» покинули конференцию. Мы решили тогда, что выступать нужно с ясными большевистскими лозунгами.

«Пусть нас расстреливают, но мы будем стоять на своем», — говорили мы.

До конференции мы занимались разыгрыванием пьесок, пением песен и т. д., но после нее перед нами стал вопрос об организации молодежи, раз'ясненииии ей боевых лозунгов. Задача это была трудная: из большого количества ребят лишь небольшая кучка твердо уяснила лозунги и всю серьезность момента. Это ядро и занялось подготовкой к проведению МЮД'а. Общими усилиями достали материал, заготовили лозунги, знамена.

Наступило 15 октября — день демонстрации. Этот день был днем резкого перелома в сторону повышения активности молодежи. Мы сразу после этого почувствовали, что молодежь изменилась. Мы думали, что пойдем в количестве не более 15—20 человек, а к нам примкнуло около 400—500 человек. Мы этого даже как-то испугались.

Выдался прекрасный солнечный день, — что нам очень благоприятствовало. Между прочим с нами шло несколько партийцев. Мы были без оружия, но у партийцев оно имелось — таким образом, они охраняли нас.

На Скобелевской площади демонстрация организовала митинг. Выступило несколько ораторов с приветствиями и речами. Краснопресненский район внес резолюцию (тогда ее назвали «мальчишеской»), требующую от С'езда Советов немедленного выступления — «Власть — советам». Резолюция была принята. Настроение демонстрации было боевое, бодрое.

Так кончилось наше первое выступление.

После демонстрации среди молодожи наступил, как я указывал, перелом, она поняла, что мы—союз—сильны. Нам же демонстрация дала больше уверенности, мы уже знали, что кое-что собой представляем.

Приближался момент восстания. Много предложений выдвигалось нами; партийцы помогали нам, и работа продвигалась. Вместе с райкомом партии мы готовились к Октябрю. Первой ласточкой явилась т. Грибкова, член райкома партии, взявшая на себя организацию отряда сестер милосердия. Работала она изо всех сил и горячо принимала к сердцу интересы молодежи. Она говорила: «Вы будете драться, а мы помогать вам».

26 октября мы получили билеты в Большой театр на митинг. Райком партии, узнав об этом, прислал распоряжение на этот митинг-спектакль не ходить: уже шла усиленная подготовка к восстанию. Вечером я встретил

несколько знакомых товарищей, возвращавшихся из театра, и они сообщили мне, что в центре началась стрельба.

На следующий день мы начали активно действовать. В первую голову началась постройка баррикад. Баррикад по району было разбросано много: на Лаврентьевской, на Благуше, около сортировочной станции, на Госпитальной, по Немецкой и т. д. Баррикады строились без особого плана — по собственной инициативе рабочих. Поэтому нередко строили даже там, где были совершенно изолированы от нападения. Надо сказать, что в постройке баррикад все принимали активное участие. На «Проводнике», например, где работало много китайцев, это выявилось особенно. Когда им сказали, что нужно строить баррикады, они пошли на работу чуть ли не с голыми руками.

Зачинщиками тут, как в большинстве, была молодежь. Действовали решительно. На том же «Проводнике» даже произошло столкновение. Получилось это так: пошли к заведующему инвентарем за инструментами для постройки баррикад — тот не дает ни в какую. Ребята излупили его и забрали лопаты и пр.

Кроме того, на нас, молодежь, была возложена задача проверять, как сделаны баррикады и окопы.

Во время обхода, это было в субботу, мы подошли к школе прапорщиков, что у Покровского моста. Из окон слышалось пение «Боже, царя храни». Возмущенные, указали на это начальнику Красной гвардии т. Васильеву и т. Михайлову. Т. Васильев ответил: «Пусть поют. Посмотрите лучше, что делается там сзади». Мы обошли здание и увидели, что к школе привезли пушки. Белые приготовлялись тоже.

Сообщили об этом своим. Было решено разоружить юнкеров. Хотя мы были без оружия, но операцию про-

делали без труда. Сделать нам это было нетрудно: пришли большой толпой и захватили школу. Отобрали около 130 берданок и прочее оружие.

Активное ядро Красной гвардии было очень немногочисленно. Из таких помню т. Муравьева, Щербакова, Беркалова, Переверзина, Догадова, Демидова. Поскольку я был на фронте, был унтер-офицер, пулеметчик и в военном деле понимал, то немедленно взялся за обучение ребят, большинство из которых было знакомо с оружием по наслышке. Всю ночь мы проводили подготовку к бою. Наш штаб помещался во Введенке [1], в бутафорской будке.

Часов около 8—9 был дан первый орудийный выстрел с нашей стороны по Кадетскому корпусу. Когда артиллерийская стрельба была в полном разгаре, мы, красногвардейцы, под командой Переверзина, пошли в наступление. В этом бою, как и в других, участвовал наш союзный отряд. Было нас человек 12—15; входили в него Петров, Лапин, Громов, я, Каратаев и др. (не помню). Шли мы по Яузе: нашей задачей являлся захват артиллерийского военного училища. Это был для нас важнейший военный пунк. К нам на помощь пришли дружинники, и мы вместе, в продолжение 3—4 дней, вслед за артиллерийским училищем, выбивали юнкеров из остальных кадетских корпусов. Кроме указанного боя, мы ходили на выручку в Хамовнический район. В этом я уже участия не принимал. Мои раны были расстроены очень здорово, и меня оставили в районе для организации в клубе охраны, так как в этот момент к Москве подходили казаки. Их боялись: они могли зайти с тыла и нанести серьезный удар. Кроме того, недалеко стояли финляндские батареи и артиллерийская бригада — там

[1] Введенский Народный дом.

тоже было неспокойно. Наше положение 2—3 дня было шатко.

Вот, почему мы сейчас же приступили к охране архивов, клубов и пр. Организовать ребят мне удалось легко, оружия у нас было много. По мере своих сил я об'яснил ребятам караульную службу.

Но ребята вместо службы ходили по Черкизову и стреляли в ворон (к счастью, было спокойно). Одним словом, получилось хулиганство. Правда, спустя некоторое время удалось организовать хороший отряд человек в 40—50.

Нужно сказать, что во всей указанной работе участвовали и девушки. Организатором их была одна латышка, фамилии не помню. Под ее руководством работало 18 девушек. Все они принимали довольно значительное участие во всех протекавших работах и даже в боях.

Чтобы подвести итоги, надо сказать, что в подготовке Октябрьской революции, ее проведении, а также после Октября молодежь нашего района или подрайона, как он тогда назывался, принимала самое активное участие. От «культурки» мы дошли до демонстрации 15 октября. Эта демонстрация внушила нам уверенность. Октябрьские бои эту уверенность подтвердили. Боевая обстановка и работа создали кадр стойких ребят.

Этот кадр ребят и принялся после Октября за организацию ячеек. После боев наша организация с 400 быстро возросла до 700 человек.

ГОРРАЙОН

С. БЕЗРУКОВ

РАССКАЗ РАЗВЕДЧИКА

24 октября в 5 часов вечера, я вместе с другими фронтовиками прибыл в Покровский приемник. Прошли через баню, все было поставлено образцово — без задержки: тут и брили, и стригли, а после бани врачи распределяли всех по палатам. Утром 25 октября стали ходить слухи, что Кремль заняли юнкера, а некоторые говорили, что Кремль заняли большевики. Я в то время был большевик. С 25 на 26 спал я плохо и просил, чтобы меня скорей освободили из лазарета. Освобождали нас кого на месяц, кого на два — не более. 26 октября мы, отпускники, пообедали, получили по паре белья. Я в лазарете не задерживался и скорей поспешил на Красную площадь — узнать в чем дело. Пришел и убедился, что ворота Кремля все затворены. Народу на Красной площади было очень много. Спросил, кто затворил Кремль. Кто говорит — большевики, а кто — юнкера. Стал узнавать у латышей, которые стояли за большевиков. Латыши мне рассказали всю правду как было, как Муравьев ввел с обманом юнкеров; как солдаты 56-го полка, несшие охрану арсенала, не отдавали свои посты юнкерам и как юнкера расстреляли нескольких солдат. В числе их у меня был знакомый слесарь—работал в Оружейной палате—их тоже нескольких слесарей расстреляли за то,

что настроены большевистски. Когда я это все узнал, то присоединился к латышам и вместе с ними стал арестовывать офицеров, которые вели агитацию против большевиков. Буржуек и буржуев было много и сколько арестовывали и куда латыши водили их — не знаю. Латыши были все вооружены наганами, а я—с голыми руками, но это ничего — таскал за шиворот. Происходило это так. Латыши стреляли в воздух и кричали «разойдись», и я выводил агитатора на простор. Подходил к другой группе. Смотрю опять агитирует: «Ленин — шпион», «кайзер пустил Ленина для того, чтобы разложить армию» и «Ленин проехал в пломбированном вагоне, а Троцкий, это — жид, который от американского Ротшильда взял поручение организовать в России еврейское царство». Тут я снова выводил такого молодчика на простор и сдавал латышам. Пошел я на Красную площадь, где стояли очереди за ситцем. Смотрю—вылетел грузовик с Воскресенской площади— затрещали пулеметы. Я к Василию Блаженному, за ограду лег. Жду. Грузовик поехал на Москвореций мост. Убили ли кого (прямо по очередям косили) не знаю — узнавать было некогда. Выбрался — сел на трамвай «А» и поехал к Каменному мосту. Как-раз пошел трамвай № 10; не успел я пересесть, из Кремля, как майские жуки, зажужжали пули. Кондуктор лег, я лег и еще было человека четыре — тоже легли, а вагоновожатый дал ход самый сильный и, стоя на коленях, управлял трамваем. Трамвай изрешетили неузнаваемо. Приехали к Калужским воротам. Соскочил я с трамвая и разузнал тут же, что в ресторане Полякова находится ревком. Прибежал на второй этаж. Смотрю, знакомый студент с Малой Серпуховки — подхожу, сообщаю, что юнкера поехали к Москворецкому мосту на грузовике с пулеметом. Сейчас же нашелся какой-то взводный

командир (всего в ревкоме 26-го было со мной человек пятнадцать, не больше) и под его командой мы побежали на двор. На дворе стоял грузовой автомобиль — в нем лежало оружие. Дали нам всем по берданке, заряжаются одним патроном, и мы побежали наверх и заняли все окна. Ожидая юнкеров, стали звонить на заводы и фабрики с просьбой прислать Красную гвардию. Позвонили на фабрику — типографию Сытина — справились, где юнкера. Оттуда ответили, что юнкеров задержали, и машину с пулеметами отобрали.

У нас к встрече юнкеров было всего по четыре патрона на стрелка. Поэтому поехали на завод Второва за ручными гранатами. Под'ехали к заводу — справились. Оказалось, что гранат ручных нет. Поехали обратно. Только приехали — полезли наверх, вдруг кричат: «Казаки!» Я выбежал смотреть, где казаки. Оказалась казачья разведка. Один казак метнулся к Крымскому мосту. Я за ним. Со стороны Крымского моста тоже бегут наши. Казак бросился в сторону, думал, что переулок, а оказался тупик. Я навел на него винтовку: «А ну, слезай, казак!» Слез. «Клади оружие!» Положил. «Отходи с конем!» Отошел. Я забрал шашку, винтовку, он — коня. Таким же порядком всех пять или шесть человек привели наши ребята. До вечера мы контролировали поголовно все автомобили. Много поймали чужих и отправили их в Таганку. Уже поздно получили все мы талоны и пошли ужинать. На скорую руку поели и снова нас всех распределили по местам. Меня послали оборонять Крымский мост; когда я сменил товарища, уже зажглись огни. Только стал, гляжу: идет железнодорожный кондуктор. Спрашиваю: «Пропуск есть?» «Есть»,—говорит. Я его предупреждаю: «Не ходи, могут убить юнкера». Он отвечает: «Ты пропусти, все равно помирать, я смерти не боюсь». Только он зашел

на середину моста, как из сада Бутиковой фабрики вылезли юнкера, человек тринадцать, встали по забору шеренгой и дали залп. Пули мимо меня пролетали роем, как пчелы. Кондуктор обратно. Я крикнул ему: «Что же, хотел итти, «все равно помирать», а теперь одумался». Трус-кондуктор — бежать. Я стал отвечать юнкерам, метясь по черным шинелям, что двигались у лицея. Очень хорошо с упора на перила — противник открыт. Стрельнул три раза и двое черных упали. Я имел всего четыре патрона и замолк после этого. Юнкера забрали двоих упавших и ушли в сад. Один патрон я берег для противника — в упор хлестануть, я так и думал, что юнкера побегут на мост. Когда они ушли, мне стало жаль, что я оставил патрон, надо бы еще одного шарахнуть. Часов в семь вечера я заметил в окне лицея огонь: то зажгут, то погасят. Продолжалось это минуты две. Думаю: «сигнализация», прицелился в окно — бах последний патрон. «Теперь буду надеяться на штык,— думаю про себя. Смотрю, кончили баловать огнем.

В 9 часов вечера ко мне пришла смена. К ночи пришла 666 рота украинцев и залегла по берегу Москва-реки. Это было с 26 на 27 октября. Пулеметная трескотня началась часов с четырех 26-го и продолжалась до 2 ноября. Привезли 2 орудия (6-дюймовые) и поставили на Калужскую площадь. Одно навели на Крымский мост, а другое по Полянке — это гроза юнкерам.

28-го пошел я на Павелецкий вокзал. Только что прибыл поезд из Саратова, и я узнал от пассажиров, что с Каширы на Москву надвигается опасность: едут два казацкие пулеметные полка. Я мигом бросился в ревком. Сообщил в тройке обо всем случившемся. В тройке было трое: помню, один в сером костюме, молодой в очках — напоминает Урицкого, другой в старом пальто, старый замасляный котелок — тоже в очках (фамилии

я никого не знал и не имел надобности знать). Который постарше, в очках, достал план города Москвы. Нашли насыпь Окружной железной дороги. На Воробьевых горах у нас стояла батарея. Обдумывают товарищи. Я тут же советуюсь. «Мы сделаем засаду — семнадцати пулеметов достаточно, поставим, замаскируем и... со всех сторон перекрестным огнем, если они не сдадутся, а на всякий случай пошлем агитировать тех казаков, которые попали в плен». Так и сделали. Моментально на автомобиль и на переговоры с казацкими пулеметными полками. Наши казаки направили своих казаков обратно в Каширу, рассказав им, что в Москве делается революция, а не шайка бандитов занимается грабежами. Убежденные казаки своих товарищей послушали и уехали.

29-го пошел мимо лицея и дошел до Смоленского рынка. Никого не заметил. На Смоленском рынке торгуют газетчики газетами «Социал-Демократ» и «Правда». Юнкера ругают газетчика матом: «Врут все большевистские газеты!» Пришел на Кудринскую площадь. На площади стоит батарея. В домах стекол нет: от стрельбы все повылетели. Смотрю, — и тут большевики. Пошел обратно. Иду по Смоленскому рынку, подбегает ко мне молодец из 5-й школы прапоров. Командует: «Руки вверх!» Я поднял. «Оружие есть?» «Нет». Документ ему показал, посмотрел пристально на погоны и пошел обратно к Крымскому мосту. Думаю: «Что же это значит? Там большевики и здесь большевики, а как же юнкера сюда попали?» Что есть силы-мочи побежал по направлению к Крымскому мосту. Смотрю, тут трое красногвардейцев с винтовками. Сейчас же сообщил им, что недалеко находятся юнкера: «Они вас поставили на мушку, будьте осторожней». Пришел в ревком, сообщил, что юнкеров можно вышибить

легко, силы у них не видно: только на дороге видели всего пять человек—проверяют документы. Наша тройка дала приказ взять школу прапоров. Поехали на грузовике — стоймя. Юнкера моментально удрали, как зайцы. Постреляли совсем мало.

Ночь 30 октября. Спим. В час ночи пришло известие, что у юнкеров на Остоженке от нашего снаряда загорелся главный штаб. Мы ликовали. На утро пошли в столовую «Франция» чай пить с хлебом. Всем выдали по ломтю черного хлеба и по два куска сахару. Всего воевали мы семь суток.

26 началось, 3 ноября закончилось.

РЮМИН

ПЕРЕД БОЕМ

(Воспоминания быв. солдата 56-го пех. зап. полка)

Накануне Октябрьских событий никто из солдат 56-го пехотного запасного полка, стоявшего в Москве в Покровских казармах, не думал, конечно, что предстоящая борьба обойдется без оружия. Но мы говорили, что за оружие возьмемся в последнюю минуту, когда нас призовет Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов или полковой комитет.

События назревали быстро: порох надо было держать сухим.

Днем, накануне боев, мы узнали, что 1-й батальон нашего полка, охранявший Кремль, окружен юнкерами и казаками. Мы этому не поверили и группой человек пять после обеда отправились узнать — так ли это. Мы знали, что первому батальону придется сыграть большую роль в событиях, ибо в Кремле находился арсенал. Сообщение об окружении Кремля подтвердилось. У церкви Василия Блаженного мы увидели бивуак юнкеров и казаков. Все ворота Кремля охранялись усиленными караулами, а у стен раз'езжали казаки. На нашу просьбу пропустить к товарищам в Кремль часовой юнкер грубо ответил: «Проходи, проходи, серая кобылка». Решили итти в Моссовет и узнать последние новости. По дороге около университета встретили две колонны в штатском обмундировании и с винтовками.

Издали думали, что идет Красная гвардия, но когда колонны поравнялись с нами, мы увидели, что это были студенты и гимназисты. Вел их прапорщик. Ребята наши удивились и спрашивали друг друга: «Зачем у них винтовки», «зачем их вооружили».

— Это карандаши, мамины сыночки, насиделись здесь в тылу, а теперь собираются воевать против нас,— шутливо ответил кто-то из ребят.

— Ну что ж, ладно, посмотрим, как они закалены с белых хлебов!!..

У Моссовета шли летучие митинги. Люди собирались группами около ораторов и жадно выслушивали известия о последних событиях. Мы сразу «раскусили» митинговщиков, это были кадеты или меньшевики, большинство студенты и потрепанные интеллигентишки. А в общем — одного поля ягодки. Когда мы вступали с ними в спор, они неизменно отвечали — «Вы еще серы и не знаете, что большевики хотят продать Россию немцам». «Вожди большевиков все евреи». «Надо ждать учредительного собрания».

— Знаем мы вашу учредиловку. Довольно соглашательства. Хотите за нос нас водить. Землю-то обещали, а шиш дали, — не отступали мы от своей линии, — и оратор махнув рукой и бросив вслед: «вы еще темные», отправлялся, не солоно хлебавши.

События не ждали. Ясно было, что надо браться за оружие, что буржуазия не дремлет и уже формирует свои силы — белую гвардию и золотопогонников, но мы не дремали тоже.

Вечером к Моссовету начали прибывать воинские части для подтверждения своей преданности рабоче-крестьянской власти и готовые по ее первому зову выступить в бой.

Солдаты из Хамовнических казарм прибыли даже с офицерами. Когда мы указывали им: «Зачем вы взяли этих золотопогонников, все равно они вас предадут» (офицеры нашего полка уже нас «покинули», кроме одного, который работал в полковом комитете), — они говорили, что офицеры пришли не по своей воле, а что их вызвали солдаты и полковой комитет и велели вести к Моссовету.

Многие из товарищей с тревогой спрашивали: «А как артиллерия? На чьей она стороне?» Вопрос поднимался невольно и у нас, ибо из всех воинских частей, прибывших к Моссовету, были лишь пехотные части и самокатчики. Артиллерии не было. Провокаторы пользовались этим и распускали слух, что она против выступления, будет держать нейтралитет.

Уже ночь спустилась над Москвой. На улице моросил дождь, но воинские части все еще не расходились — ждали последних решений и приказаний. Здание Московского Совета ярко освещено, и в окнах можно было видеть, как там суетились и бегали люди. Говорили, что идет заседание, где решается вопрос — передать ли власть большевистскому совету или нет. Меньшевики как-будто против передачи и ищут соглашения с кадетами. У всех нас была одна мысль: «Довольно слов! Пора приступать к делу». Так требовала жизнь, так требовали рабочие и солдаты.

Поздно ночью мы вернулись в казармы. Никто из солдат еще не спал. Кругом шли разговоры. Обсуждали события, подсчитывали силы.

— Ребята, а говорят, что артиллеристы не хотят выступать.

— Ну что ж, пускай. Не пойдут же они против нас.

— Мы и без них с «ними» справимся. С нами ведь Красная гвардия и рабочие всех заводов.

К рассвету легли спать. По приказу ревкома (полковой комитет) усилили посты при входах и дневальных в казармах. Многие из товарищей легли в полном боевом снаряжении. Наскоро приказали дневальным и часовым быть начеку и не проморгать. Казарма замерла. Не спали только ревком и сторожевые посты. В ревкоме жизнь, несмотря на поздний час, кипела ключом. Ежеминутно звонил телефонный аппарат. Из рабочих районов сообщали последние новости. С важными пунктами устанавливали связь и готовились к предстоящим боям.

Быстро прошла ночь. Встали много ранее обычного У всех товарищей — первый вопрос: «Как дела, что в городе?» Сейчас же послали в ревком «за новостями». Запыхавшись, прибежал наш парень и сообщил, что юнкера бросили вызов и выступили. Они обстреляли нашу часть на Театральной площади. Потерь нет.

Значит, началось.

Все сознавали, что наступил решающий момент.

— Надо, ребята, подтянуться, — рассуждали товарищи, — быть организованными и дисциплинированными. От этого зависит исход борьбы.

Наш начальник (бывший фельдфебель) и председатель ротного комитета пошли в ревком за получением приказаний...

Б. АРТАМОНОВ

ОКТЯБРЬСКИЕ «ХВОСТИКИ»

Первые дни

Как обычно, в эти тревожные, полные предчувствия наступающих решительных событий дни я зашел в районный комитет партии, помещающийся тогда в быв. трактире Романова на Сухаревской площ. Зашел и остался там ночевать. Ревком уже ожидал в ближайшее время вооруженного столкновения. Помещение постепенно наполнялось партийцами и нашими ребятами из союза молодежи, также оставшимися ночевать. Многие вооружились чем могли, но вообще-то оружия было мало.

Наступила ночь. Оживление несколько стихло. В комнатах темно. На окнах для защиты от пуль лежат толстые поленья. На третьем этаже заседает ревком. Вот оттуда по лестнице спускается член ревкома т. Никитин.

— «Хвостики», нужно итти в центр. Кто хочет?

Первым вызываюсь я, и мы с т. Никитиным поднимаемся наверх. Меня наскоро инструктируют, как быть в том или ином случае, дают пропуск и сообщают словесную информационную сводку, которую я должен сообщить в центре.

Прячу документы понадежнее и отправляюсь. На улицах темно, грязно, холодно. Вначале кое-где встречаются наши патрули, но потом и их не видно. Кругом

полное безмолвие. Из окон домов ни одного просвета. Обыватели боязливо запрятались по своим норам.

Далеко где-то затрещали выстрелы и опять смолкли.

Вот и Скобелевская площадь (теперь Советская). Здесь оживленно, как никогда, всюду снуют солдаты и вооруженные рабочие. По пропуску меня немедленно впускают в здание Моссовета и направляют к товарищу, принимающему сводки из районов. В то время как он записывал мою сводку, в комнату вошел еще один товарищ и несколько взволнованно бросил:

— Передайте членам ревкома, что замоскворецкие товарищи имели уже стычку с белыми. Есть раненые.

«Итак, началось, — подумал я.— Что же, чем скорее, тем лучше».

Вернувшись в район, я передал новости ревкому. Городской район стал усиленно готовиться к вооруженным схваткам.

На утро откуда-то с вокзала привезли целый грузовик винтовок, совсем новых, густо смазанных маслом. Это сразу подняло настроение всех. Была дана директива — «Строй баррикады».

Сразу закипела работа. Ларьки, скамейки с Сухаревского рынка, ворота, мебель... все пошло на укрепление. Сухаревская площадь на все, выходящие с нее — улицы, ощетинилась баррикадами.

«Копай окопы!» — и моментально загромыхали ломы, лопаты. Каменный покров улиц взрезывают глубокие окопы. Конечно, «хвостики» и тут главная «заводиловка». С шутками, не замечая кровяных мозолей, помогают они укрепить Сухаревку.

В чайной на Сухаревской площади была устроена столовая. Здесь можно было увидеть наскоро обедающего члена ревкома и спящего в одежде, с поленом или винтовкой под головой красногвардейца-рабочего. Сто-

ловая служила, как видно, и местом отдыха. Но отдыхать приходилось мало.

Боевое крещение

Нам, наиболее молодым ребятам из союза молодежи, первое время никак не давали винтовок. «Еще, мол, перестреляетесь». На нашу долю приходилось рытье окопов, сооружение баррикад, разведки и особые поручения. В этих разведках я лично несколько раз натыкался на юнкеров, но встречи проходили гладко. После выполнения нескольких разведок и поручений я, наконец, получил берданку и 20 штук патронов. Нечего и говорить, как я был несказанно обрадован и как гордился своим оружием.

В эту же ночь я принял и первое боевое крещение. Мы стояли на посту, на одном из перекрестков Сретенки. Кругом темнота. Сзади чернеется баррикада. Со мною на посту стоял еще член союза молодежи т. Ходик (убитый два дня спустя на одной из улиц в Центре). Холодно. Ветер, прорываясь сквозь дыры пальто, морозит тело и заставляет нас прыгать по мостовой. То в одном конце города, то в другом вдруг затрещит частая дробь перестрелки; смолкнет — и затем опять. В нашем районе пока тихо.

Вдруг... тах—тах—тах! Сверкнула огоньком мостовая, жалобно пискнула пуля, где-то посыпалась штукатурка.

Я инстинктивно бросился к стене. Руки дрожали, и проклятый патрон никак не лез в берданку. Тов. Ходик и красногвардейцы, прибежавшие от баррикады, обстреливали чердак. С чердака ответных выстрелов не было, и мы на этом успокоились.

На Никольскую

Хотя я и «сдрейфил» малость в это первое крещение, но считал, что теперь в бой могу итти смело. Утром, с отрядом красногвардейцев я ушел на подмогу на Никольскую улицу. Подошли к Никольским воротам. Здесь у старой башни нечто в роде склада боевых и продовольственных припасов. Все мокро от дождя. В кучу свалены буханки хлеба, гранаты, патроны для винтовок всех систем, консервы.

На Никольской шла ожесточенная стрельба. Вдоль стенок, перебегая от ворот к воротам, пробираемся вперед к своим. Окна магазинов разбиты, выставки товаров обнажены, но никто ими не прельщается. Совсем другое в голове, да и «промедление — смерти подобно». Враг зорко следит за нами.

Обстрел усиливается. Пули, чмокая, впиваются в стены. Положение становится все более опасным. Вот группа красногвардейцев перебегает мостовую, один из них, как-то странно скорчившись, падает, вот у стенки другой, побледнев, медленно осел на тротуар.

Упорно продвигаемся вперед.

Засада. С нашей стороны неуклюже взлетает ручная граната. Звон разбитого стекла и взрыв. После этого врываемся в дом, а затем такая же осада следующего. Почти каждый дом здесь, как крепость, приходится брать с боем.

У «Метрополя»

Часть нас отправляют к «Метрополю», чтобы с его крыши обстреливать крыши домов на Никольской улице и Театральной площади.

С группой «двинцев» в стальных французских касках, во главе с пулеметом, входим в гостиницу. В большом зале «Метрополя» со всех этажей собраны его

обитатели, бывшие господа и хозяева наши. Увы! теперь жалкие, дрожащие, с обвислыми подбородками, они совсем, совсем не похожи на хозяев положения. На некоторых еще видны драгоценности, другие постарались спрятать их от «грабителей-большевиков». Идет обыск. Набрали кучу оружия, но, правда, все это оружие... для мух; разные револьверчики с перламутровой и серебряной отделкой. Для нас им грош цена. Бывшие «хозяева» хватаются за рукава и жалобно, тоскливо, надоедливо в десятый раз спрашивают: «Нас не расстреляют?»

Пулемет втянут на верхний этаж. Устанавливаем его и начинаем поливать пулями крышу Думы. Черненькие фигурки в панике забегали по ней.

— Ага, так их! — восторженно орут красногвардейцы.

С визгом проносятся снаряды, и глухие разрывы их доносятся от стен Кремля.

Сейчас даже не вспомнишь, в какой день происходил тот или иной эпизод. Шесть дней пролетело, как один нобольшой кусок времени, где нельзя было отличить ни дня, ни ночи. Спали тогда, когда непомерная усталость прямо валила с ног; ели тогда, когда этого неотвязно требовал желудок. Остальное время было заполнено боями, с постоянной директивой «вперед».

Железное кольцо рабочих пестепенно сжимало Кремль.

Вот бежит член ревкома. Он приказывает прекратить стрельбу.

— Почему? Ведь враг еще не добит!..

— Белые сдаются. Москва наша.

Это сообщение несется по рядам красногвардейцев.

Да, белые сдались. И благодаря самоотверженной борьбе московских пролетариев, Москва стала рабочей столицей социалистического государства.

УЕЗДЫ

Ю. РУБЧАК

ЗАБАСТОВКА НА ТОРФРАБОТАХ

(Комсомол Богородского уезда)

Как организовывались

Первое организационное оформление в кружки рабочей молодежи мы имели в период март—июнь 1917 года. Первыми оформленными ячейками были орехово-зуевцы (б. Морозовские ф-ки), глуховцы (б. Морозовские ф-ки), обираловцы (Саввинская м-ра), павловцы (французская м-ра), Электропередача ГЭС. Я вынужден упомянуть здесь ореховцев, так как в те годы укомов, губкомов и ЦК не существовало; создаваемые кружки рабочей молодежи, в первую очередь, после некоторого официального оформления—после первого организационного собрания — старались как можно скорее поставить об этом в известность ближайшую организацию. Так, об организации союза на Электропередаче ранее всего поставили в известность ореховцев и павловцев, несмотря на то, что, находясь в Богородском уезде, следовало бы поставить в известность и глуховцев, но этот участок был дальше и для связи был не совсем удобен.

Каждая из таких крупных организаций (указанных выше), получая от вновь возникающей ячейки сообщение, сейчас же давала туда (мы не обладали тогда

типографией и пишущими машинами, писали от руки — зачастую простым карандашом) инструкцию, краткую программу и ближайшие намеченные задачи. Возникающие ячейки сейчас же связывались с местной организацией РС-ДРП (б), а если ее там не было, то со своей.

В таких крупных пунктах, как Орехово-Зуево, Павлов посад, Электропередача, кружки рабочей молодежи были организованы под руководством местных организаций РС-ДРП (б) и целиком ими руководились.

Количество кружков, возникших в период март — июнь, насчитывалось восемь: Орехово-Зуево, Глухово, Павлов посад, Электропередача, Саввинская ф-ка, Истоминка, Загорная — с количеством членов до 1.000 человек. Наибольшие организации были Орехово-Зуевские и Глуховские, насчитывавшие около 500 членов. Необходимо отметить, что в числе рабочих организаций в районе Богородска в деревне Загорная имелась, правда, маленькая, полукрестьянская группа, в которую вошли 3 крестьянских хлопца, 1 рабочий типографии и 1 служащий (между прочим при развертывании организационной работы по созыву уездного с'езда эта ячейка сыграла большую роль).

Позже в период июль 1917 года, январь—февраль 1918 г. ячейки постепенно переименовывались в союз молодежи «III Интернационал», оставаясь при РС-ДРП(б). В таких больших районах, как Орехово, Глухово, кружки возникали еще по казармам, вливаясь последовательно в союз. В Глухове насчитывалось до 5 групп рабочей молодежи по казармам; они имели общее правление союза. Им удавалось иногда находить большие помещения, такие, как школа, где они собирались на свои общие собрания (большой клуб, имеющийся в Глухове). Это был громадный плюс для работы, так как в большинстве помещение достать было трудно; при

фабриках оно было недоступно для рабочей молодежи; там собирались эсеровщина и меньшевики и им сочувствующие так называемые тогда «союзы служащих», которые руководились эсерами.

Забастовки на торфоболотах

В описываемом районе очень много торфяных болот. Основным топливом, питающим фабрики и заводы в Богородском и Ореховском районе, является торф. Весной начинаются работы по добыче этого торфа. На работах заняты специально приезжающие сезонные рабочие (торфянники и торфушки, как их называют здесь) из Рязанской и Калужской губерний, преимущественно крестьяне. Количество с'езжающихся на работу достигает 20—25 тысяч человек. 1917 год ознаменовался переломом среди торфянников. Они потребовали замены 10-часового рабочего дня 8-часовым. Это требование для предпринимателей и руководителей болот было, конечно, неожиданностью. Требование отклонили, и через некоторое время на всей территории болот бастовали рабочие. Производство стало. Предприниматели через своих служащих — эсеров и меньшевиков перешли к новым методам — к митингам, пытаясь уговорит торфянников приступить к работам на старых условиях. Этот период был первым крещением для молодежи. Под руководством партии она встретилась в борьбе с эсерами и меньшевиками, защищая требования торфянников. Силы у эсеров и меньшевиков с сочувствующим им техническим персоналом, разбросанным по всем участкам торфяных болот, были большие. Надо не забывать, что мы столкнулись в тот момент со своим классовым врагом — предпринимателем — и партиями, которые работали легально (РС-ДРП(б) и союз молодежи при ней были в полулегальном состоянии). Они свободно

проводили собрания и митинги по всем участкам, наша же работа была сосредоточена на отдельных участках, казармах, в палатках. Уже тогда мы, «союзники», взяли на себя роль активных агитаторов — помощников партии в этой борьбе. Наша агитация «не сдаваться, бастовать до полной победы», создала нам большое ядро сочувствующих рабочих. Масса увидела в нас, большевиках, своих защитников.

Мне помнится один общий митинг — последняя агония меньшевиков и эсеров, который очень ярко характеризует плоды работы партии и союза.

Выступает и «уговаривает» торфянников представитель, приехавший из Москвы, Водовозов —эсер (своих эсеров перестали слушать, снимали с трибун), Водовозова постигает участь местных меньшевиков: торфянники снимают его с трибуны, не дав совершенно говорить. Наконец, на трибуне А. П. Смирнов — ныне наркомзем. Гром аплодисментов, крики «ура», «да здравствуют большевики—наши защитники», «долой эсеров и меньшевиков» покрывают его речь. Митинг был настолько убедителен и грозен, что предпринимателям, дабы не сорвать торфяную кампанию (забастовка шла девятый день) пришлось удовлетворить требования бастующих и тем самым расписаться в своем, общем с эсерами и меньшевиками, бессилье.

В этом серьезном натиске, имея большие материальные жертвы (снятие с работ молодежи и т. п.), молодежь впервые доказала партии свою верность, свою силу и готовность в любой момент пожертвовать собой в борьбе за интересы рабочих. Этот экзамен союза молодежи сделал его верным помощником партии в самых серьезных мероприятиях. С этого момента мы слились воедино, представляя неразрывную массу — большевики и союз молодежи.

Предвыборная и выборная кампании

В первых стычках партия, а вместе с ней союз молодежи, одержали победу, тем самым подняв свой авторитет перед десятками тысяч рабочих и работниц не только торфяных болот, но и всего района. Первая борьба определила курс — курс на закрепление авторитета, на усиление связи с разбросанными по болотам торфянниками, участками в радиусе 15—20 верст. Для этого приходилось испытывать много трудностей. Пешком, иногда группой на маленькой вагонетке, толкая ее шестом по узко-колейной железной дороге, отправлялись для бесед за 10—12 верст на участки, в раскинутые огромные парусиновые палатки — жилища рабочих.

Везде и всюду по участкам, в свободное от работы время, главным образом, в праздники, можно было встретить союзников с большой группой торфушек и торфянников, занятых беседами. В центре внимания партии и союза молодежи была работа среди торфяных рабочих. Наша работа среди них была наиболее важной, в смысле подготовки новой возможной стычки в виде забастовки, или даже боя — переворота, к которому мы уже готовились.

Наступила кампания выборов в земскую управу. В казармах, по дворам фабрик, на торфяных участках, по палаткам стали появляться прокламации эсеров, меньшевиков, кадетов с указанием большими буквами: «Голосуйте за список № такой-то». Наши прокламации мы получили почти последними, отсюда можно представить, насколько пришлось использовать нашу организацию в области подготовительной работы.

На всех фабриках, заводах, торфоразработках велась подготовительная усиленная агитационная кампания большевиками, союзом молодежи, эсерами и меньшевиками, последние опирались на своих интелли-

гентных и полуинтеллигентных служащих. Общие собрания, митинги проходили одновременно в нескольких местах. Мы собирались по казармам, по палаткам, частенько в лесу — на открытом воздухе, а враждебные нам группы собирались в клубах, конторах, используя прекрасные директорские дома, по инициативе последних. Отсюда точно можно было выявить физиономию других партий и их взгляд на революционные события.

Очень трудно, спустя 10 лет, вспомнить списки, за которые шла борьба, но если мне память не изменяет, помню, что список большевиков № 5 был в наших районах совершенством.

Агитация за списки по казармам, домам доходила до встречи в одной квартире 2—3 представителей разных партий сразу. Мне вспоминается комичный случай с одним служащим, сочувствующим эсерам. Он, бедняга, пришел в казарму и принялся уговаривать одного из рабочих, чтобы тот подал голоса своей семьи за эсеровский список. Рабочий отказался, мотивируя сочувствием большевикам. Огорченный парень, уходя, заявил: «Хотя и голосуете за большевиков, но наша единственная партия, которая борется за то, чтобы рабочий класс имел возможность быть человеком». Эти слова настолько взволновали рабочего, что он налетел на паренька и расправился с ним, выгнав его не только из каморки, но и из казармы, крикнув вслед: «Больше носа не показывай!» Пострадавший бедняга — молодой парень, совершенно отказался нести миссию агитатора за эсеров, отошел от политики в сторону. Конечно, все наши ребята об этом случае прекрасно знали и всегда старались его уколоть «агитацией». Он плохо выговаривал букву «р», и когда ему задавали вопрос: «Как, Петя, с твоей агитацией?», он отвечал: «Ну их к чолту!» Ответ невольно вызывал взрыв смеха.

Кампания выборов была наиболее важной для большевиков и союза молодежи не только с точки зрения получения большинства голосов за список, но и для выявления, насколько с нами вместе готовы рабочие и молодежь встретиться в предстоящей решительной борьбе за овладение властью. Выборы теснее связали наши организации. Наладилась верная, быстрая информации о событиях, развивающихся на каждой фабрике,—эту роль выполняла молодежь. В выборной кампании росла партия большевиков, а еще больше был приток в союз. Каждый молодой парень чувствовал инстинктивно надвигающиеся события, он чувствовал, что его участие должно определить победу в борьбе с буржуазией и ее сообщниками — эсерами и меньшевиками. Молодежь шла в союз, зная, что она идет под винтовку, дуло которой направлено против тех, кто будет сопротивляться сдать власть рабочим советам. Союзы в период август—сентябрь выросли, если принят во внимание только активных участников, без тех, которые примкнули в момент развернувшихся событий, по Глухову, Богородску — прилегающим фабрикам, — Саввиново, Орехово, Павлово, Электропередача — до пяти тысяч человек. Это была огромная армия, верных большевистских пионеров, готовая встретить любое сопротивление противников.

Трудно было в общей массе этой огромной армии разделить членов партии и союза. Все мы были большевики, все мы были с одной мыслью, с одним стремлением, под одним большевистским знаменем — за советы, за диктатуру пролетариата.

Так, мы предвыборную и выборную кампании превратили в кампанию по учету и мобилизации сил, могущих обеспечить нашу победу в предстоящем перевороте, боевые дни которого приближались с молниеносной быстротой.

Дни переворота нас всех застали подготовленными. Заранее были организованы ревкомы, заводские комитеты, управления фабриками и заводами,— все было в боевой готовности. Данный Москвой сигнал к борьбе, овладению властью мгновенно пронесся по всем организациям. Ревкомы, заводоуправления и пр. и пр. в ночь на 23 октября 1917 года — все, как один, были уже на своих местах. Почта, телефон, телеграф, а вместе с тем и железнодорожные станции 23 октября 1917 года утром были в нашем ведении и охранялись отрядами союза молодежи под непосредственным командованием большевиков. Все нити, откуда исходило руководство жизнью, были в руках большевиков. На 3—4 дня ранее, чем в Москве, жизнь уезда уже руководилась большевиками. Наши последовательные задачи в промышленных районах были: защитить фабрики и заводы от возможных разграблений, нападений, взрывов, напрячь все усилия к тому, чтобы единственная питающая Москву электрической энергией электростанция «Электропередача» смогла бесперебойно продолжать подачу энергии.

Оградить эту станцию от возможных нападений на нее — роль чрезвычайно большая. Эта задача была возложена на специальные отряды рабочей молодежи, разбросанные по наиболее опасным, уязвимым местам. Получив сводку о том, что в Москве идут упорные бои за овладение, главным образом, целого ряда правительственных учреждений, на всех участках уезда создались специальные отряды для похода на Москву — в помощь большевикам. Примерно до 2.000—2.500 человек ореховцев, павловцев, электропередатцев, глуховцев и из тех мест, мимо которых по Нижегородскому шоссе двигался отряд, направилось в Москву. Поход происходил в момент, когда в Москве юнкера, потеряв надежду на победу, стали в беспорядке отступать за

Москву. По нашему определению,—нам так казалось,—это был некоторый военный маневр к тому, чтобы вновь организованно ударить по большевикам. Отступление велось по Ленинградскому, Нижегородскому и прочим шоссе. По Нижегородскому шоссе, в верстах 15—20 от Москвы, нашим отрядам пришлось вступить в серьезный бой с юнкерами, засевшими в лесах. Перестрелка продолжалось 5—6 часов. Наши отряды окружили лес, и под огнем пулеметов и винтовок юнкера вынуждены были сдаться. Перестрелка, сбор оружия (многие юнкера побросали его), погоня за некоторыми пленниками, бежавшими в глубь леса, задержали нас почти на двое суток. Эта вынужденная остановка и медлительность похода в силу того, что мы вели обратно несколько тысяч пленных (белые удирали с семьями, с сочувствующими и прочим «балластом»), задержали нас настолько, что мы попали в Москву на 6-й день переворота — к моменту, когда большевики проникли в Кремль и когда правительственные учреждения уже ими были заняты. Курьезно. Шествие нашей армии с пленниками было так грозно, что у заставы мы напоролись на огонь своих рабят, не разобравших, что за лавина плывет по шоссе. Когда мы пришли в город, стрельба уже утихла. Только на окраинах продолжалась стрельба, отступали или сдавались оставшиеся части юнкеров, главным образом, командный состав: прапорщики, поручики, полковники и прочая, уже беспогонная публика.

Мелкий щебень Нижегородского шоссе снова встретил наши отряды, направляющиеся домой, к оформлению власти, управлению новым государством, на фабрики и заводы. Еще повторные мелкие перестрелки с отдельными, засевшими в лесах, юнкерами. Еще раз наш «Максим» вынужден был проснуться с тем, чтобы потом на некоторое время отдохнуть.

Не без потерь, жертв вернулись отряды обратно домой. На своих повозках везли мы славных, молодых бойцов, отдавших свою молодую жизнь за дело пролетарской раволюции.

Здесь очень кратко пришлось описать роль и участие молодежи части Московской губернии, ее большого Богородского района, в деле завоевания власти рабочих и крестьян. Если последовательно проследить ход организационного оформления власти на местах, то и там мы убедимся, что руководящие посты заняты были молодежью. Она, под руководством большевистской партии, рожденная и воспитанная в огне революции, и в дальнейшем не жалела своих лучших сил, отдавая их туда, где необходима была защита, где необходимы были твердость и верность рабочему классу и крестьянству.

И. ЦЕЙТЛИН

ПОХОД НА ДМИТРОВ

Участие дмитровской молодежи в Октябрьской революции прежде всего выразилось участием в Красной гвардии. Роль молодежи в ее создании, вооружении и руководстве огромна; кроме того, подавляющее большинство красногвардейцев состояло из молодежи. Поэтому я буду тесно связывать Октябрь с историей Красной гвардии.

Упоминание фамилий отдельных товарищей, игравших более выдающуюся роль, не будет, конечно, обозначать, что сама масса рабочей молодежи участвовала не активно, но дело в том, что в материалах, по которым составлен данный очерк (главным образом, воспоминания участников), упоминается больше о деятельности отдельных лиц организаций, чем о деятельности всей массы в целом.

Забегая немного вперед, надо сказать, что к моменту Октябрьской революции в уезде уже на двух предприятиях молодежь была сорганизована в союзы рабочей молодежи «III Интернационал». Это—на Яхромской прядильно-ткацкой фабрике и на Икшанском проволочно-гвоздильном заводе Пеге.

Работа яхромского союза «III Интернационал», возникшего в октябре 1917 года, уже освещалась в печати[1], но деятельность и существование икшанского

---

[1] Сборник «Наше рождение».

союза «III Интернационал» до сих пор оставались неизвестными, хотя возник он приблизительно на месяц раньше яхромского — в конце сентября 1917 года. Организаторами его были молодые товарищи — М. Куренков, И. В. Минин и Ветров, несшие уже к тому времени важную работу в партии и Красной гвардии. На Икшанском заводе появилась первая большевистская ячейка (апрель 1917 года), под влиянием и усилиями которой возникли ячейки и на Яхромской фабрике и в самом г. Дмитрове. И в партии, и в ревкоме, и в Красной гвардии руководство принадлежало икшанцам. Молодежь на этом заводе имела значительное влияние на партийные дела, если не сказать больше. Так, например, в одном протоколе общего собрания союза «III Интернационал» мы читаем:

> «По поводу бездеятельности местного подрайонного Комитета Р.С.-Д.Р.П. в деле организации предвыборной работы постановлено: выработать президиуму союза надлежащую резолюцию и, отпечатав ее в 3 экземплярах, передать ее председателю подрайонного комитета, в центральную организацию союза и вывесить на видном месте в помещении завода Пеге».

Это постановление будет еще понятней, если принять во внимание, что руководители союза «III Интернационал» вскоре после Октябрьской революции стали одними из руководителей всей советской власти уезда.

После июльских событий, при активнейшем участии молодежи на Икшанском заводе была создана Красная гвардия — первый отряд в уезде. Весь будущий состав союза «III Интернационал» целиком вступил в Красную гвардию, которая составилась таким образом в большинстве из рабочей молодежи.

Когда встал вопрос об ее вооружении, то группа молодежи, во главе с т. И. В. Мининым, отправилась на завод и, несмотря на протесты хозяина, забрала хозяйские винтовки, выделенные для охраны завода. Сам И. В. Минин и его брат Г. В. Минин (один из руководителей партии и руководителей Октябрьского переворота в уезде) в своих воспоминаниях отмечают, что последовавшее затем постановление завкома о передаче этих винтовок Красной гвардии было принято по настоянию рабочей молодежи. Кроме того, по инициативе молодежи (т. Куренкова) и под ее руководством среди рабочих был произведен сбор денег на вооружение.

Начальник заводского отряда и заместитель председателя Красной гвардии были выбраны тоже из молодежи (т.т. Минин И. В. и Ветров).

Таким образом мы видим, что молодежь в «большевистском гнезде» уезда шла впереди в деле подготовки вооруженной силы восстания. На Яхромской фабрике большинство Красной гвардии состояло из молодежи.

В конце августа под влиянием черносотенной агитации купцов в Дмитрове готовился погром. Испуганные эсеры и меньшевики (руководившие тогда уездом), не имея никакой реальной силы для отпора, поспешили обратиться за помощью к большевикам и те послали в Дмитров яхромский и икшанский отряды Красной гвардии. Одно лишь присутствие красногвардейцев оказалось достаточным, чтобы предотвратить погром.

Тов. Г. В. Минин пишет в воспоминаниях:

> «Вооруженная рабочая молодежь оказалась достаточно убедительной причиной для того, чтобы попытки погрома прекратились».

В результате этого выступления авторитет большевиков значительно увеличился. Увеличился и авторитет рабочей молодежи, и, когда вскоре понадобилось выделить двух большевиков в уездный исполком совета рабочих депутатов, то были выделены председатель и секретарь икшанского союза «III Интернационал» (т.т. Минин, И. В. и Куренков, М.). Перевес в исполкоме был теперь на стороне большевиков, и совет рабочих депутатов выделил ревком, который стал держать курс на восстание. В состав ревкома были включены два представителя молодежи (Куренков и Минин).

Рабочие массы к Октябрю становились все больше и больше на сторону большевиков. Кадеты, эсеры и меньшевики принимали героические меры по борьбе с большевистским влиянием. Они печатали тысячи воззваний, устраивали десятки митингов и т. д. Но по заданию партии, молодежь срывала эти антибольшевистские митинги и собрания так же, как и «погромные» воззвания. Т. Маршанов, Н. (начальник яхромской Красной гвардии) вспоминает об одном из таких характерных случаев.

> «Незадолго до Октябрьской революции приезжает на фабрику кадет Шнейдер. Заявился он к нам в фабком, в котором сидели я и Клятов (председатель фабкома), и потребовал созыва митинга.
>
> Пока собирали рабочих, мы поспешили собрать молодежь из Красной гвардии и дали им задание: «Нет-нет, а посвистывайте в углу время от времени и прерывайте его почаще». Ребята постарались, и, несмотря на то, что кадет был очень опытный оратор, настроение рабочих, под влиянием метких выкриков ребят, изменилось против кадета, и в конце-концев Шнейдеру чуть не надавали плюх. Пришлось его спасать».

По мере приближения восстания необходимо было заручиться поддержкой Москвы и соседних уездов. И на эти важнейшие поручения опять-таки посылалась молодежь. Так, например, для того, чтобы заручиться помощью стоявшей в Савелове воинской части, был послан И. Минин, который с успехом выполнил это задание. Он же накануне переворота ездил в Москву в бутырский ревком за оружием.

Переворот в уезде был совершен Красной гвардией. Икшанский и яхромский отряды в ночь на 4 ноября заняли Дмитров, захватив все важнейшие пункты (вокзал, почту и т. д.).

Заслуги Красной гвардии — заслуги рабочей молодежи. Старая меньшевистско-эсеровская власть, не имевшая никакой поддержки трудящихся, сдалась без боя, наговорив лишь кучу громких фраз, в роде: «Нас рассудит история» и т. п.

Кроме молодежи, участвовавшей в походе на Дмитров, часть рабочей молодежи осталась на охране своих фабрик, а много молодежи, особенно с Яхромы, поехало в Москву, на помощь московским рабочим. После восстания молодежь принимает не менее активное участие в строительстве советской власти, борьбе с контрреволюцией и т. д. Из среды ее скоро выдвигается предисполкома (Куренкова, М.), предчека (Минин, И.), секретарь укома ВКП (б) (Варфоломеев) и др., которые с честью выполнили порученную им работу.

В августе 1918 года рабочая молодежь Яхромы принимает активнейшее участие в подавлении кулацкого восстания в с. Рогачеве, послав туда свой вооруженный отряд, организованный при союзе рабочей молодежи «III Интернационал».

Как и в других местах, рабочая молодежь Дмитровского уезда шла в первых рядах борцов за Октябрьскую революцию.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ВЫПИСКИ ИЗ ГАЗЕТЫ РС-ДРП (б) „СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТ“

Давая это приложение к данному сборнику, мы хотим показать читателю: как постепенно росла работа, строилась организация союза.

Материалом послужила газета «Социал-Демократ»— орган РС-ДРП (большевиков), которая начала выходить с марта 1917 года.

С февраля усиленно растут партийные, профессиональные и другие организации.

Открываются клубы, организуются пропагандистские кружки, читаются лекции, по всем районам на фабриках и заводах проходит целый ряд митингов, знакомящих рабочие массы с революционным движением, с работой партии с.-д. (большевиков), выносится много резолюций против правительства Керенского, нагло преследующего пролетарскую партию. Всюду проходят массовые стачки, протесты-демонстрации против фабрикантов-эксплоататоров, правительства Керенского.

Во всей этой борьбе и работе начинает принимать активное участие рабочая молодежь. Молодняк своей организации еще не имеет, но потребность в такой организации у рабочей молодежи огромна.

Молодежь начинает бурлить всюду. Несется клич: «Надо организоваться».

Появляются организации союза молодежи в Замоскворечьи под названием «Союз рабочей молодежи — III Интернационал», кружки на фабриках и заводах в других районах. Ведет работу социалистический кружок учащихся. В июне создается союз молодежи при МК РС-ДРП (большевиков).

В № 63 от 24 мая 1917 г. в газете «Социал-Демократ» печатается статья т. Котомки, старого союзника, под заголовком «Зовите молодежь».

В своей заметке т. Котомка призывает пролетарскую и учащуюся молодежь организовываться в союз молодежи: «Только через союз молодежи можно выработать крепкое социалистическое мировоззрение», пишет он.

Замоскворечье дало почин. Начинают организовываться и другие районы.

9 мая открывается партийный клуб в Хамовниках, в котором принимает участие молодняк, и этим самым дает толчок к зарождению организации.

Там же, в Хамовниках, 22 мая организуется экскурсия рабочих и молодежи под Москву.

В № 72 «Социал-Демократа» от 3 июня т. Котомка печатает статью с призывом «К молодежи».

Вот что он пишет:

«Товарищи, идеал создания союза молодежи в Москве в кругах пролетарской и учащейся молодежи встречает яркое и горячее сочувствие. С большим сочувствием относятся и наши ответственные партийные коллективы. Предпринимаются первые шаги. Вопрос о союзе молодежи выносится на обсуждение в районы.

На предварительных совещаниях мы узнали о существовании таких союзов в Петрограде и Саратове.

В Петроград послана просьба о присылке устава. В скором времени созывается совещание пролетарской и учащейся молодежи в с.-д. клубе городского района, где будут обсуждены задачи юной организации и ее устав.

Товарищи, собирайтесь в районах, обсуждайте вопрос, готовьтесь к первому собранию революционной молодежи Москвы.

Я, со своей стороны, считаю необходимым в общих чертах наметить цели вновь возникающей организации.

Считая, что только революционная социал-демократия имеет за собой будущее, только ее интернационалистические лозунги и идеалы жизненны и солнечно прекрасны, а потому способны зажечь юные сердца огнем будущего творчества, я полагаю, что нашим знаменем может быть только знамя революционной социал-демократии.

Только ее неудержимое действенное стремление к миру и братству, только ее мировая правда и сможет увлечь молодежь, только ее широкие горизонты и перспективы достойны чистого пламени юных душ и сердец, всю энергию, весь огонь молодых порывов, максимум своей самодеятельности, всю жажду исканий всей революционной социал-демократической мысли, ее культивированию и развитию. Вот наш девиз, вот наши светлые задачи. За дело, дорогие товарищи! За дело, юноши и девушки».

После этой заметки печатается об'явление: «Союз молодежи при МК собирается в воскресенье, в 7 час. вечера, в клубе гор. района (Цветной бульвар, д. 25), 2-е сухаревское мужское училище. Просят тт. непременно притти».

Вот что пишет об этом собрании т. Котомка («Еще о молодежи»):

«4 июня, в 7 час вечера, в клубе гор. района состоялось собрание союза пролетарской и учащейся молодежи.

После оживленного обмена мнений решено стать под знамя революционной социал-демократии, примкнуть к МК РС-ДРП(б). В целях привлечения широких кругов молодежи к вопросам революционного социализма предполагается открыть клуб союза молодежи. В воскресенье, 18 июня, в 5 час. вечера, в помещении гор. района (Цветной бульвар 25), 2-е сухараевское училище, во дворе — назначено общее собрание

На этом собрании окончательно сконструируется союз, обсудит устав, выборы правления клуба и наметит первые шаги своей деятельности.

Все, кто сочувствует нашим идеалам, все, кто разделяет взгляды нашего союза, должны притти на это собрание, должны войти в союз молодежи.

Время не ждет, товарищи.

Жизнь требует напряжения всех сил, жизнь властно зовет «работать руками, работать умом, работать без устали, ночью и днем».

Назначенное на 18 июня открытие клуба союза молодежи при МК, повидимому, не состоялось, так как в этот день была устроена демонстрация, посвященная перевыборам районных дум.

В № 85 печатается воззвание к молодежи, живущей в гор. районе (номер газеты утерян).

№ 86. В клубе молодежи при МК РС-ДРП(б) на Цветном бульваре, д. 25, состоится доклад т. Котомки «Союз молодежи».

№ 87. От 21 июня т. Котомка пишет свои впечатления от демонстрации, которая была устроена 18 июня и в которой принимала участие молодежь.

«В рабочих районах все пропитано духом революции. Даже дети поют на каждом шагу:

«Дело всегда отзовется на поколениях живых».

Тут постоянно бурливые сходки и споры, тут имя Ленина произносится не с злопамятством и гнусной клеветой, а с уважением и любовью к беспримерному, неугомонному борцу за коммунизм. И буржуи здесь не так смелы, поют под сурдинку и клевещут не прямиком, а намеками.

По мере удаления от центра храбрость господ победоносников падает удивительно быстро. Да и как не упасть смелости, когда в центре случайного большевика можно тотчас в участок отправить, а тут всю толпу не отправишь.

18 июня, воскресный день, я бродил по улицам столицы, толкался в толпе слушал и наблюдал. На Серпуховской площади с утра народ толпился.

Разговоры—о социалистических списках.

— Разве плохой список № 3? — говорит шляпа.

— Нет, мы — с пятью пальцами, не калеки, слава богу, будем голосовать за пятый, — отвечает кепка.

Толпа сочувственно одобряет последнего.

На углу Пятницкой улицы, близ моста, летучий митинг.

Говорят с автомобиля эсер, меньшевик и большевик.

Несмотря на явно большевистское настроение, публика, аплодировавшая эсеру, свистит и шумит, не давая говорить меньшевику.

Во время речей сквозь толпу пробирается господин с корзинкой и с нескрываемой злобой бубнит:

— Ишь, уши развесили? Слобода!.. Чего слушают? Кого слушают?

— Ну ты, почтенный, не хошь слушать, так проваливай: другим неча мешать, — внушительно и негодующе произносит угрюмо старик, повидимому, из деревни

После летучего митинга шумные суждения:

— Программы у всех номеров хорошие, только в жизнь провести как? Вот пятый-то надежней!

— Когда власть-то наша, то и воля наша.

— Ежели правительство из богачей, то какие законы ни издавай, толку мало будет.

Тверская. Идет демонстрация.

— Где большевики? — суетится толстая барыня.

— Вот наверное.

— Почему?

— Очень страшно глазами сверкают.

— Все тут большевики, вся демонстрация из большевиков, — кидает небрежно молодой человек в пенсне.

— Как, и солдаты? — пугается дама.

— Так много? — с тревогой и недоверием спрашивает солидный папаша.

— Да, тут только один Бутырский район, — отвечает спокойно молодой челов.—Другие районы демонстрируют у себя,— добавляет он.

Буржуа ошеломлен.

Идут солдаты, рабочие и все — с чисто большевистскими лозунгами. Сомнений нет. Тревога и злоба нарастает.

— На фронт бы их сейчас всех.

— Что же, фронт для вас все равно, чт каторга?—с невозмутимым спокойствием спрашивает молодой человек в пенсне.

Те замолкают. Несутся звуки марсельезы, — песни, полной негодования и мощного призыва, — звуки вечно новые и вечно чарующие.

Вот как прошла демонстрация!»

Начинают расти кружки.

В том же клубе на Цветном 29 июня, в 7 час. вечера, устраивается доклад т. Подбельского на тему «Русские социалистические партии и III Интернационал». Приглашается молодежь.

В № 25 от 30 июня т. Котомка пишет заметку «О растущей организации союза»:

«Идея союза молодежи витала в воздухе, окружающая атмосфера была пропитана ею. В процессе организации своего союза мы уже встретились с целым рядом аналогичных начинаний. Это нас ободряет, придает нам больше уверенности и решительности в деле завоевания молодежи.

Теперь дело за тем, чтобы приложить все силы к скорейшему оформлению этих организаций на местах и установить более тесный контакт, более дружное общение между заводскими кружками, сливающимися постепенно в районную организацию, и центральной организацией, куда должны поступать все сведения об имеющихся и примыкающих к ней организациях молодежи.

Товарищи должны об этом позаботиться со всей своей молодой энергией и упорством. Быстро пойдет дело сплочения молодежи, если товарищи позаботятся привлечь в клуб союза молодежи как можно больше сверстников.

За дело, товарищи, вперед на творческую и радостную работу!

Секретарь центрального союза дежурит ежедневно от 6 до 8 час. вечера в клубе городского района (Цветной бульвар, д. № 25).

У него записывайтесь, к нему обращайтесь за справками по делам союза и ему доставляйте сведения о своей деятельности, а также приносите пожертвования на дело союза. На сбор денег на обеспечение нашего союза, хотя бы для первых его шагов, необходимо обратить особое внимание и приложить все усилия к облегчению первых начинаний союза. Считая вначале недостаточным одной работы с юношеством, мы обращаемся к деятелям партии, находящимся в гуще районных ячеек, содействовать им в мобилизации своих сил!!!

Товарищи, в воскресенье, 2 июля, открытие клуба союза молодежи при МК.

Приглашаются МК РС-ДРП(б), редакция «Социал-Демократа», «Спартака», журнала «Жизнь Работницы» и все другие партийные организации.

Там же производится запись в члены союза».

О том, как прошел вечер открытия клуба, пишет т. Зверев:

«Особенной торжественностью, энтузиазмом отличалось открытие первого клуба союза молодежи в том же помещении на Цветном бульваре. Это было веселое, радостное время содержательной творческой работы.

Не могу не вспомнить тех взрослых товарищей, которые оказали нам неоценимые услуги в торжестве и содержательности открытия.

Это — Леонтий Котомка, продекламировавший «Буревестник», портной Петров, продекламировавший «Сакия-Муни», Семенова, из городского района, сказавшая что-то интересеное для нас, и, наконец, М. Богоявленскй, безумно любивший молодежь, сам еще тоже молодой, радостный, остроумный, выступивший с целой речью о значении пролетарской культуры».

9 июня в союзе молодежи при МК РСДРП(б) состоялось общее собрание молодежи, где был поставлен доклад по текущему моменту и вынесена следующая резолюция:

Общее собрание союза молодежи при московском комитете РС-ДРП(б) 9 июня, выслушав доклад о текущем моменте, вынесло единогласно следующую резолюцию:

«Считая, что безудержная травля буржуазной прессой революционных социал-демократов явно приняла контр-революционный характер, что буржуазия с удивительной, небывалой наглостью готова постепенно, не стесняясь в средствах, употребить все силы, чтобы расстроить и скомпрометировать пролетарские, крестьянские и солдатские ответственные организации и тем парализовать дальнейшее углубление и расширение революции; что советы от солдатских и крестьянских депутатов недостаточно решительны и не принимают экстренных мер к уничтожению в корне наглых попыток контр-революции буржуазии, — мы горячо протестуем против обвинения интернационалистов в шпионаже для немцев и требуем немедленного

расследования при действительном участии представителей революционных организаций, и по мере раскрытия наглой лжи и клеветы немедленного привлечения к суду тех, кто под видом борьбы с агентами Вильгельма сеет контр-революцию».

«Социал-Демократ» от 25 июня 1917 г., № 105.

12 июля собрание комитета союза молодежи при МК.

15 — литературный вечер в клубе.

16 — экскурсия в Царицыно.

19 — заседание комитета при МК РС-ДРП(б).

В № 118 — заседание сокольнического комитета союза молодежи «III Интернационал» (Н.-Красносельская, д. 24, училище).

№ 112 — начало занятий кружка по политэкономии.

№ 113 — от 21 июля напечатано воззвание «Собирайте книги и создавайте библиотечки».

№ 123 от 2 августа — заседание комитета и читка по политэкономии.

13 сентября — собрание союза молодежи Хамовнического района

(Девичий переулок, № 6, в 7 час. веч.)

13 сентября — заседание комитета союза молодежи «III Интернационал» гор. района.

(Рождественский бульвар, д. 25)

14 сентября — благушинский союз рабочей молодежи «III Интернационал». Собрание в 5 час. веч. в помещении аудитории варваринской общины трезвости (Старые Кожевники).

№ 178 от 8 октября. 1 общегородская конференция союза молодежи «III Интернационал» в 10 час. в царском павильоне Ник. ж. д.

(Каланчевская площадь)

См. приложение № 4.

11 октября, в 7 час. вечера заседание комиссии по организации демонстрации.

12 октября — собрание союза молодежи «III Интернационал» в Хамовниках.

(Девичий переулок, 6, в 7 час. вечера).

12 октября—В Рогожско-Симановском районе союза рабочей молодежи «III Интернационал», что на Малой Алексеевской, д. 24, состоится собрание членов союза.

12 октября — заседание редколлегии журнала «Интернационал Молодежи».

(Рождественский бульвар, дом 25).

13 октября вышел № 1 журнала «Интернационал Молодежи».

Вот содержание журнала:

«Передовица, помеченная 13 октября 2767 г. (была сделана опечатка). «Наши задачи» — **Лазарь Шацкин.** «Новая революционная песня» (стих.) — **Леонтий Котомка.** «Интернационал»— **А. П.** (Анатолия Попова, погибшего на фронте в 1919 г.). «В природе» (стих.) — **Иван Ерошкин.** «Пролетариат и искусство» — **Вал. Смышляев.** «Девушка-оратор (стих). — **Л. К.** «Ад и рай» (стих.). Л. К. «Воззвание к рабочей молодежи всей России». «Осень» (стих.). — **Леонтий Котомка.** «Русским юношам-социали- (стих.). **Л. К.** «Возвание к рабочей молодежи всей России». юношеской организации, Цюрих, июль, призывающее к демонстрации). «Фридрих Адлер» (стих.)—**Иван Ерошин.** «Почтовый ящик». «Об'явления».

Таков был первый юношеский журнал.

14 октября — собрание пресненского союза рабочей молодежи «III Интернационал» на Прохоровке (кухня) в 7 час. вечера [1].

[1] В дальнейшее время «Социал -Демократ» не выходил до 7 ноября.

15 октября 1917 г. по постановлению 1 общегородской конференции союза рабочей молодежи устраивается демонстрация.

О том, как она прошла, упоминается в нашем сборнике.

Приближался октябрь. Всюду шла усиленная подготовка к восстанию.

О том, какое участие принимала молодежь, написано в нашем сборнике.

Приветственные телеграммы I Московской конференции союза рабочей молодежи «III Интернационала»

ТЕЛЕГРАФ В МОСКВЕ

Центральная контора (Мясницкие ворота).

Бланк № 23, пров. №............

Пр. 15/X—1917 г. в 6 ч. 54 м.

Принял: Кокор.

из Тулы.

ТЕЛЕГРАММА

МСК Рогожский бульвар, 15.

Союзу молодежи «III Интернационал».

№ 22704

Отметка о передаче в ....отд.	Разряд.	Счет слов.	Подана.
		22	14—23

Приветствуем революционный интернационал молодежи в борьбе за мир и братство народов. Да здравствует всемирная революция. Да здравствует III Интернационал.

Тульский союз рабочей молодежи.

ТЕЛЕГРАФ В МОСКВЕ

Бланк № 40.

Прин. 9/X 1917 г. 4 ч.

ТЕЛЕГРАММА

Московск. конференц. соц. союза рабеч. мол. 3 Интернационала, Рождественский бульвар, д. 15, Москва.

	Подана	Счет слов
Москва, Петрограда Д/1693.	8/X 19 ч. 5 м.	126.

Имея возможность послать вам только телеграмму делового характера и сожалея, что мы не имеем возможности присутствовать на вашей конференции вследствие позднего

извещения с вашей стороны, мы позволяем себе указать вам на один пункт вашего устава, который, по нашему убеждению, не может удовлетворить некоторую часть рабочей молодежи и может помешать продуктивности нашей работы и организационному размаху, — пункт заключающий в себе платформу III Интернационал, как необходимое условие для вступления в организацию. Наш союз также стоит на позиции рабочего III Интернационала, как выражение воли огромнейшего большинства его членов, но этот пункт не может служить препятствием для вступления в союз товарищей, стоящих на другой позиции. Президиум потреб. исполн. к-сии соц. союза раб. молодежи

Кочубеев, Леске, Алексеев

Письмо Московскому Комитету Союза рабочей молодежи «III Интернационала»

Социалистический Союз
РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ
Петербургский Центральный
Исполнительный Комитет.
21 октября 1917 г.
№ 2.

УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ!

Данное письмо является подробным ответом на ваше письмо [1], полученное нами 7 октября с. г.

Прежде всего вы пишите о необходимости устройства демонстрации в ответ на воззвание цюрихского бюро Интернационала Рабочей Молодежи. И вы, товарищи, уже эту демонстрацию проводили. Об ее результатах мы читали в газетах.

При чем вы просили нас присоединиться к демонстрации и оповестить об этом другие города. Принципиально петербургский комитет согласен в необходимости устройства демонстрации, но у нас в Петербурге по соображениям политического характера, в виду неблагоприятных условий, сложившихся вследствие шума, поднятого контр-революционной печатью о «выступлении большевиков», мы демострацию устроить не могли, о чем хотели довести до вашего сведения через «Новую Жизнь» и «Рабочий Путь», но потому, что заседание нашего петербургского комитета состоялось 13 октября, мы не имели возможности напечатать это, ибо вы получили бы газеты днем позже назначения демонстрации.

С своей стороны мы также имеем в виду в ближайшем будущем устроить общепетербургский митинг рабочей молодежи, а также и демонстрацию (в ответ на воззвание Интернационального бюро), о чем будет своевременно напечатано в га-

[1] Это письмо не сохранилось. Истомол.

зетах и нашем журнале, который мы на-днях выпускаем. Причём текст вашего ответа (приложенный к письму) мы с некоторыми исправлениями разошлем по всем городам для того, чтобы получился общий ответ на воззвание бюро интернационала. Мы также намечаем шаги к всероссийскому с'езду юношеских организаций. У нас имеется около 30 писем, полученных из разных городов. От петербургского комитета мы послали уже приветствие интернациональному бюро; кроме того, хотим послать делегата в Швецию для более детального ознакомления с положением дел в этом направлении. Расход предлагаем пополам.

Журнал вышлите в количестве 500 экземпляров. Деньги вышлем немедленно по получении.

Напишите, сколько выслать вам нашего журнала. Сообщите поскорее.

С дружеским приветом!

Петербургский комитет социалистического союза рабочей молодежи.

Председатель **Кочубеев.**

Секретарь **В. Алексеев.**

Сообщите, сколько у вас членов союза
До скольких лет принимаются
Помогают ли взрослые товарищи.
Сколько экземпляров отпечатано журнала
Расход на издание журнала.
Сколько расходится.

Первая московская конференция союза рабочей молодежи «III Интернационала»

8 октября 1917 года состоялась 1-я общегородская конференция московского союза рабочей молодежи «III Интернационал». На ней было представлено 2.170 членов (выбирали от 10 человек одного). В числе делегатов были представители от латышского союза молодежи. Был принят следующий порядок дня, предложенный московским организационым комитетом:

1. Отчет МОК.
2. Устав.
3. Текущий момент.
4. Демонстрация молодежи.
5. Выборы в московский комитет союза.

Отчет МОК показывает, что ко времени созыва общегородской конференции в Москве было организовано 8 районов. В отчете указывались схема организации союза, его деятельность в организационной и культурно-просветительной области, вырисовывалось положение с изданием журнала. Выяснились затруднительные обстоятельства в денежном отношении. Члены конференции призывались устраивать на местах сборы на журнал, распространять его.

Устав был до конференции разработан и обсужден московским организационным комитетом. В основу его лег устав петербургского союза, при чем существенно были изменены первые параграфы, в которых говорится о целях союза. С изменениями и поправками, которые счел необходимым принять МОК, устав был внесен на общегородскую конференцию. По вопросу о целях союза, о его платформе выяснилось на конференции два течения: представители одного говорили, что только партия социал-демократов-большевиков оказалась во время русской революции на высоте положения, что только она защищает интересы пролетариата и беднейшего крестьянства, находили, что союз

рабочей молодежи «III Интернационал» должен быть партийным, большевистским; представители второго течения, вполне соглашаясь с тем, что именно большевики являются истинными представителями пролетариата, говорили: 1) что такой большевистский союз уже есть (союз молодежи при московском комитете РС-ДРП), 2) что союз рабочей молодежи «III Интернационал» был создан после принятия 6-м партийным с'ездом резолюции о союзах молодежи, согласно которой эти союзы должны быть не социал-демократическими, а социалистическими, 3) что широкая масса беспартийной рабочей молодежи не может быть лишена своего союза.

Восторжествовало на конференции второе течение. Вместе с тем была сохранена платформа «III Интернационала», при чем к первому параграфу устава были приняты следующие поправки: 1) союз рабочей молодежи «III Интернационал» активно борется за III Интернационал и социализм; 2) союз рабочей молодежи «III Интернационал» решительно отмежевывается от мелкобуржуазных идеологий (анархизма и оборончества).

Первая поправка ясно говорит, что союз рабочей молодежи является организацией, не только развивающей классовое сознание молодежи, просвещающей и сплачивающей ее, но и организацией, принимающей активное участие в политической жизни страны.

Вторая поправка говорит о том, что вмешательство союза в область политики и классовой борьбы будет проводиться под знаменем интернационализма, при чем с оборончеством и анархизмом будет вестись борьба.

Вот главные изменения, которые конференция произвела в уставе питерского союза. Остальные поправки касаются технической постановки работы в союзе, членских взносов, порядке информации о работе и т. д.

Обсуждение устава отняло у конференции очень много времени. Поэтому в текущем моменте прений почти не было. Был только выслушан доклад т. Котомки. По всем вопросам, стоящим перед пролетариатом и его молодежью, мнение конференции было единодушным: окончание войны, власть советам, передача земли крестьянским комитетам, рабочий контроль над производством и т. д.

Постановление МОК об устройстве демонстрации рабочей молодежи общегородская конференция одобрила и утвердила. Были также утверждены и дополнены лозунги демонстрации.

Конференция постановила принять на местах все меры к успешному проведению демонстрации.

МОК союза рабочей молодежи «III Интернационал», на обязанности которого лежала организация районов и союзов общегородской конференции, окончил свое существование. Общегородская конференция постановила организовать постоянный московский комитет союза, куда вошли по три представителя от каждого района.

СОДЕРЖАНИЕ

Красная Пресня

Хамовники

Замоскворечье

Сокольники

Басманный район

Горрайон

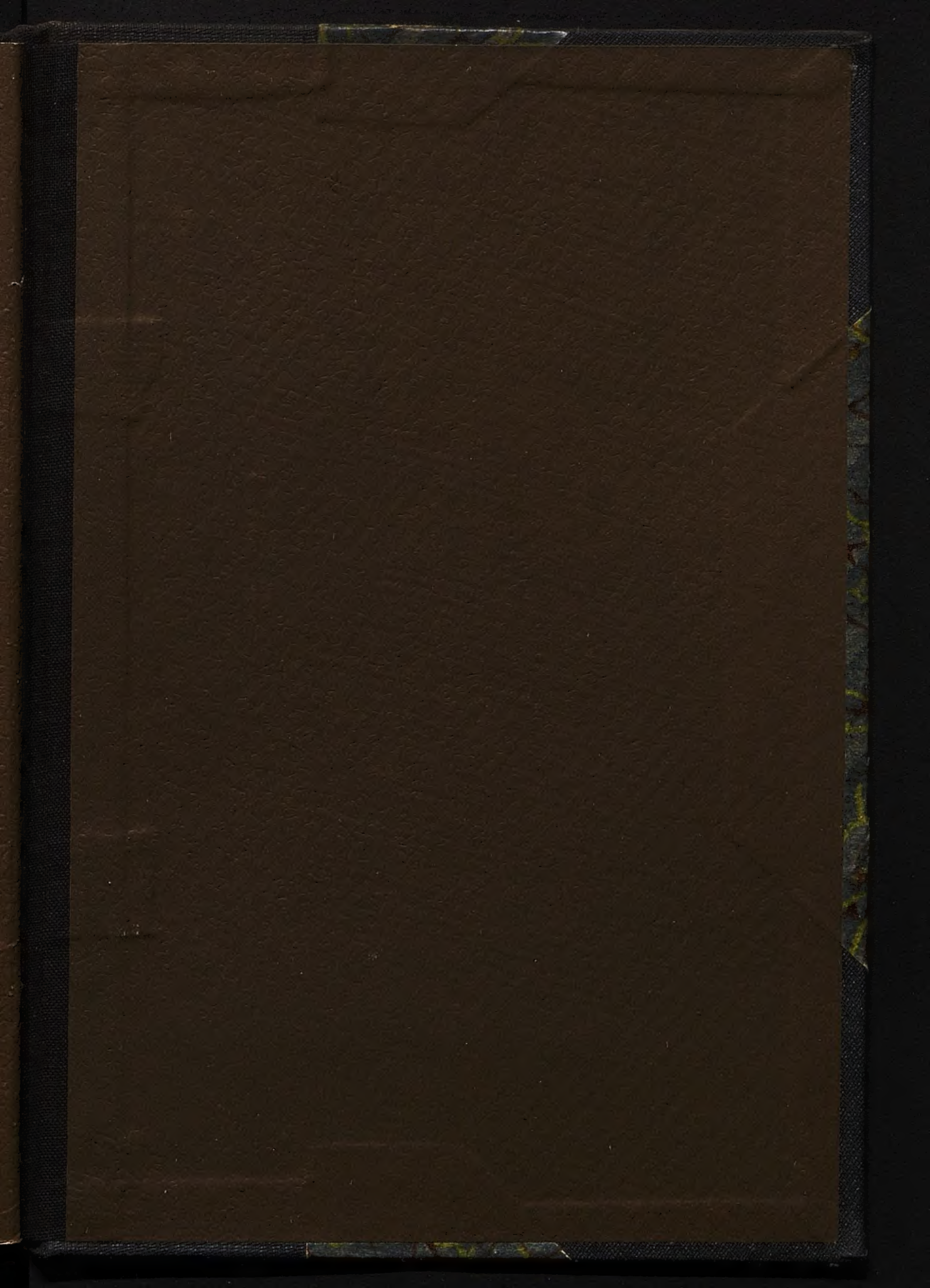
Уезды

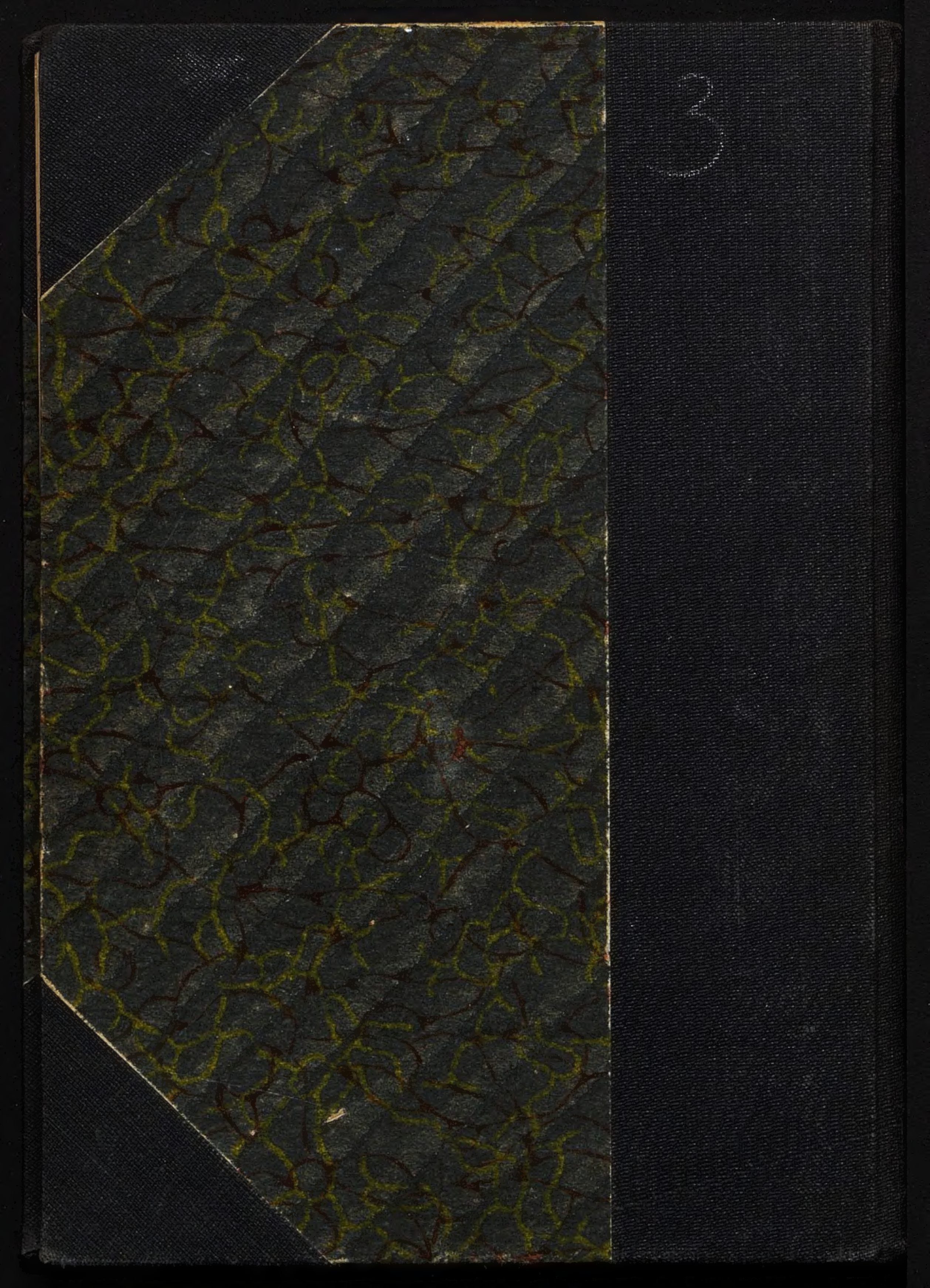
Приложения

1 руб. 25 к.
Р

14151

3